

*Жарылкан
Бейсенбайұлы***АДЬЮТАНТ
ПО ОСОБЫМ ПОРУЧЕНИЯМ**

Ряд материалов омского архива повествует об истории Сибирского линейного казачьего войска, в котором служил Чокан Валиханов после окончания кадетского корпуса. В них, в частности, говорится о направлении 8 ноября 1853 года восемнадцатилетнего корнета (младшее офицерское звание в кавалерии) в это войско, а там он получил распределение в 6-ой кавалерийский полк. Но не прошло и трех месяцев, как он приказом генерала-губернатора Западной Сибири, командира Отдельного сибирского корпуса Г.Х. Гасфорта приступил к обязанностям адъютанта начальника штаба корпуса генерал-лейтенанта Яковлева. Молодого корнета, который еще будучи кадетом был замечен своей хваткой, особыми способностями, омские чиновники, правившие огромной степной территорией, посчитали одним из самых нужных себе людей.

Чокан был занят хлопотами по оформлению к военной службе, когда из Сырымбета пришла печальная весть. Оказывается, 19 ноября, в четверг вечером на семидесятом году скончалась его любимая бабушка Айганым Саргалдаккызы. Ничего ее внук не в силах был сделать кроме как пожелать ей, чтобы земля стала пухом. Это была славная женщина казахского народа. Долгое время после кончины Вали хана она практически правила людьми, на равных общалась с русскими влиятельными лицами, своей справедливостью объединяла всех родственников и близких, уделяла огромное внимание получению детьми хорошего образования, да и сама была разносторонне образованным, прогрессивным человеком. Когда Чокан во время летних каникул приезжал в Сырымбет, она показывала ему письма от акимов Тобольска и Омска, которые начинались словами «Высокопочтеннейшей ханше Айганым Валиевой...». Именно из них он узнал о решении вопросов строительства в Сырымбете усадьбы, об учебе своего отца Чингиса. Бабушка очень любила Чокана. Зная его пристрастие к старине, она не уставала

рассказывать ему произведения устного народного творчества самого различного толка и жанра. Эти рассказы были полны жизненных назиданий, она не была лишена и поэтического дара. Оригинальным творением являлась, к примеру, ее поминальная песнь по случаю кончины сына Мамке, который будучи волостным управителем рода Ырсай-атыгай умер в 1831 году от оспы. Занимаясь сбором многочисленных образцов устной литературы, Чокан до этого не встречал столь печальных, буквально кричащих от горя строк. Теперь вот не стало и самой бабушки. «Да будет ей земля пухом!» – повторил он про себя еще раз, прочитал молитву и провел ладонями по лицу.

* * *

Передо мной лежала развернутая карта. Взятая из архивного фонда, изображающая облик Омска середины прошлого века, она давала всестороннюю информацию о пятнадцатитысячном городе, где Чокан Валиханов начинал военную службу.

В ту пору практически вся жизнь административного центра Западносибирского края проходила внутри крепости, расположенной на правом берегу реки Омь при ее впадении в Иртыш. Крепость была окружена глубокими рвами, высокими земляными валами, а в нее можно было попасть через четыре ворота. Северо-восточные ворота назывались Тобольскими, северо-восточные – Тарскими, юго-восточные – Омскими и юго-западные – Иртышскими. На центральной площади крепости, называемой «плац-парад», в обычное время проходят строевые занятия, а в праздничные дни – военные парады. С этой площади под звуки оркестра отправлялись воинские отряды на покорение казахской степи и других восточных регионов.

Лучшие дома Омска располагались вокруг этой площади. С ее северной стороны в глаза особо бросаются первое каменное сооружение, постороенный в 1773 году Воскресенский собор, и возведенное восемь лет спустя двухэтажное здание гауптвахты. А с южной стороны стоял одноэтажный большой каменный дом с садом рядом – дворец самого главного начальника Западно-Сибирского края, которого казахи называли «жанарал-гүбірнатыр». Левее от него располагался гостинный дом для приезжающих в Омск, правее – дом коменданта крепости. Среди правителей Западной Сибири было много обрусевших немцев-выходцев из Пруссии, служивших интересам Российской империи. Об этом свидетельствовала и лютеранская церковь, построенная еще в 1791 году восточнее площади. Кирпичное здание с железной кровлей, предназначенное для омских генерал-губернаторов, стояло рядом с кирхой, с ее правой стороны. В него в 1851 году вселился Густав Христианович Гасфорт, назначенный новым генерал-губернатором Западной Сибири, командиром Отдельного Сибирского корпуса.

Спустя три года, осенью 1854 года, в число адъютантов, служивших при губернаторе, влился новый офицер. Это был девятнадцатилетний молодой корнет Чокан Валиханов, до этого исполнявший обязанности адъютанта начальника штаба Отдельного Сибирского корпуса генерал-лейтенанта Яковлева. По штату канцелярии генерал-губернатора число адъютантов не должно превышать четырех человек. Тем не менее Гасфорт пожелал, чтобы на признанного среди омской общественности своей энергичностью молодого корнета была возложена должность офицера по особым поручениям.

Документы относительно канцелярии Гасфорта показывают, что с 1852 года его старшим адъютантом служил 35-летний штабс-капитан Герасим Алексеевич Колпаковский. Именно с тех лет началось знакомство с Чоканом этого человека, который впоследствии находился в самой гуще колонизации и управления казахским краем, в 1858 году был начальником Алатауского округа, в 1865 году – военным губернатором Семипалатинской, в 1867 году – Жетысуйской областей, в 1882 году – генерал-губернатором Степного края. Между старшим адъютантом выходцем из дворянской семьи, приверженцем образования и науки, и духовно близким к нему молодым корнетом сразу же установились приятельские отношения. И они переросли во взаимопонимание, которое продолжалось до конца жизни Чокана. Они часто переписывались. Когда Колпаковский работал военным губернатором Жетысуйской области, он внес свой вклад в установление надгробного памятника Чокану в 1880 году.

В канцелярии Гасфорта Колпаковский проработал вместе с Чоканом чуть более полгода. В следующем 1855 году его повысили в должности, назначив начальником недавно открытого Березовского военного округа. Документы свидетельствуют, что после этого у Гасфорта адъютантами служили в основном офицеры немецкой национальности – Экеблад, Гинце, Врангель, братья Блюментали.

Как бы не менялся состав адъютантов, Чокан свои обязанности адъютанта по особым поручениям командира Отдельного Сибирского корпуса непрерывно исполнял вплоть до перевода в 1860 году в Азиатский департамент Министерства иностранных дел в Петербурге. На факте оказания такого внимания и доверия младшему офицеру-казаху со стороны генерал-губернатора не могла не отразиться историческая ситуация того времени. В ту пору политика колонизации севера казахской земли, затем двинуться дальше, в южные ханства была одной из самых актуальных целей, стоящих перед имперскими правителями. В этом плане на Омскую администрацию возлагались масштабные и весомые задачи. Ибо шаги на юг напрямую можно было делать только через казахские земли, через Омск. Для канцелярии генерал-губернатора, которая до этого территорию, где проживали казахи Среднего жуза, раздробила на округа и управляла непосредственно, молодой адъютант нужен был и как превосходный знаток жизни и быта региона как пять пальцев, и как весьма одаренная личность, способная глубоко вникать в жизнь и других, родственных и соседних с казахами народов.

В то время происходила колонизация Россией казахов Старшего жуза и киргизов Иссыккуля. В Жетысу были построены крепости Капал (1847), Верный (1854). В этой связи ненасытную царскую Россию в районах Заилийского Алатау, гор Тянь-Шаня, Иссыккуля ждала огромная работа. А эти районы находились под властью единоверного с ними Кокандского ханства. В деле их мирного присоединения к России требовалось проведение весьма осторожной, но дальновидной политики. И тут царским чиновникам как воздух нужны были такие выходцы из местного народа, хорошо разбирающиеся в жизни и быте, традициях и языках родственных народов, грамотные, энергичные, дипломатического склада люди, как Чокан.

К своим обязанностям адъютанта генерал-губернатора Чокан приступил сразу же и ушел с головой в службу. Он был единственным офицером-казахом,

попавшим в офицерскую и чиновничью среду, которая резко отличалась от той среды образованных и передовых людей, которую он знал в кадетском корпусе. В основном это были реакционные офицеры и чиновники, представляющие колониальный аппарат царизма. Они строили против него всевозможные козни, чинили оскорбления и придирки. Поэтому с первых дней службы Чокан чувствовал себя одиноким, хотя упорно боролся против беззакония, мздоимства, интриг, которые были присущи царскому колониальному аппарату. Глубоко переживая за свое столь незавидное положение, в ходе своей служебной деятельности он тем не менее стремился по мере возможности помогать своим соплеменникам. Свое служебное положение умело использовал и для осуществления экспедиционных, исследовательских работ, прославивших его имя на весь мир.

Поручения, даваемые ему, обычно касались вопросов Степи, мер по присоединению иссыккульских кыргызов к России, проблем, связанных с южными ханствами. В свою очередь все это создало соответствующие условия для реализации планов, намеченных еще в кадетские годы по углублению знаний об этих регионах, о их истории, для того, чтобы непосредственно заниматься со своими изначально излюбленными темами.

В связи с выполнением обязанности адъютанта по особым поручениям, он получил доступ к архивам Западно-Сибирской губернии и Пограничного управления сибирских казахов, теперь имел возможность собирать материалы относительно казахской истории. Документы, собранные со дня основания Омска – города, активно способствовавшего проведению многовекторной политики в Азии, явились для пытливого корнета настоящей кладью знаний. Там среди аккуратно подшитых древних бумаг было немало сведений по русско-казахским, русско-китайским взаимоотношениям. Чокана несказанно заинтересовали и папки по древней казахской истории, и папки с документами, отражающими связи царских чиновников с китайскими, ойратскими правителями и ханами южных стран. Изучая сведения седой старины, он часто ловил себя на мысли, что параллельно вспоминает целые отрывки из героических дастанов, знакомых с детства. Как много, например, в документах относительно Джунгарского ханства встречается событий, которые имеются в казахских героических эпосах. Образцы устной литературы, если рассматривать их со всей серьезностью, тоже являются яркой летописью прошлого, подумал он про себя.

Немало было документов относительно прадеда Абылая и деда Вали, Кенесары и Губайдоллы. Невозможно было не узнать по этим бумагам, какие только хитрости и уловки не применялись в ходе завоевания казахских земель. Иногда использовались обман и обход острых углов, иногда – угрозы и шантаж, оружие и уничтожение. Читая о злодеяниях казачьих войск в войне с Кенесары, волосы становились дыбом. Столько донесений, в которых с гордостью сообщалось об уничтожении целых аулов! Имелось много папок с документами о поражении войска Кенесары на киргизской земле, о его трагической гибели. Причем все соответствовало тому, как в свое время рассказывал отец. Русское правительство расценивало уничтожение Кенесары как событие большой значимости. Объявило на весь мир, что «умер наш общий враг»...

* * *

Еще в стенах кадетского корпуса Чокан проявлял огромный интерес к научным исследованиям, теперь же, начав службу, с еще большей устремленностью продолжил это дело. Уже по первым его работам того периода нетрудно узнать талантливого молодого человека со сформировавшимся научным складом ума, то, что он успел подняться на уровень квалифицированного исследователя.

Не прерывал связи со своим весьма способным воспитанником и учитель кадетского корпуса Н.Ф. Костылецкий, который не жалел своей помощи, чтобы тот всецело повернулся лицом к науке. В ту пору выходили из печати подготовленные крупным исследователем, старым знакомым Костылецкого, видным русским тюркологом, профессором Казанского университета Н.Я. Березиным «Тюркская летопись» (1850) Абульгазы Бахадур хана (1603-1664), «Шайбанинамэ» (1851) Камал ад-дина Биная (1453-1512), сборник летописей «Джами ат-тауарих» (1854) Кадыргали бека Жалаири (1530-1607).

Когда Чокан еще учился в кадетском корпусе, в 1851 году участвовал в записывании поэм «Козы Корпеш – Баян сулу» и «Едиге», которые Костылецкий вместе с ним переводил на русский язык и отправил Березину с тем, чтобы он ознакомился с ними, по возможности принял меры для издания. Удовлетворенный этим переводом, Березин прислал Костылецкому свою книгу «Ханские ярлыки. Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-кутлука и Сагадат-Гирея» и письмо с просьбой разъяснить смысл некоторых древних слов. В своем ответе другу-профессору в 1852 году Костылецкий пишет, что не смог исполнить эту просьбу, поэтому хочет обратиться за помощью к своим воспитанникам. Это дело он доверил Чокану.

Чокан с головой ушел в поиски, чтобы дать достойный ответ профессору Березину. Внимательно прочитал произведения из подготовленного ученым цикла «Библиотека историков Востока». О смысле древних слов ханских ярлыков, ставших ныне непонятными, он наводил соответствующие справки у старожилов. После такой скурупулезной работы сел написать ответ Березину, как обещал Костылецкому. Судя по предложению «*Предания казахов о своем происхождении оправдывается сказаниями Вашей Шейбани-намэ и Джами ат-тауарих...*», время написания этого письма совпадает с концом 1854 года, когда он уже будучи адъютантом по особым поручениям посещал Омский архив. Ибо сборник летописей «Джами ат-тауарих» Кадыргали бека Жалаири был издан только в том году.

Как известно, потомок Тукай-Тимура от Джучи золотоордынский хан Тохтамыш в 1391 году на берегу реки Кундузша, что недалеко от Волги, потерпел сокрушительное поражение от Хромого Тимура, после чего он намеревался сблизиться с мощной страной того времени – с великим княжеством Литвы. Но он понимал, что в случае объединения Москвы и Литвы, появится угроза его золотому трону. Поэтому, сам со своей ордой находясь на берегу Дона, в 1393 году отправил послов к великому литовскому князю, польскому королю Ягайло Ольгердовичу, в его дворец в городе Краково. Через них он передал, что спорные пограничные земли между Литвой и зависимым от него Москвой уступает королю, но все виды дани от подвластных народов должны поступать в казну орды. В своем указе, написанном на кипчакском языке и адресованном Ягайло, сообщает, что в прошлом году некоторые беки и огланы совершили

предательство, а Хромой Тимур объявил войну орде. Однако *«люди поднялись против и, с благословения всевышнего, мы унизили огланов и беков Бекболата, Кожамедина, Бекиша, Турдышахберды, Даута, оказавшихся враждебными к нам»*. Затем дает понять Ягайло, чтобы впредь быть в добрых взаимоотношениях: *«С тем мы отправили послов во главе с Асаном и Тулукожой. Дань, собранную с подвластных нам народов, передайте через наших послов, чтобы они доставили в казну. И, как было заведено раньше, пусть продолжат заниматься своим делом торговцы. На то послали сей наш ярлык с нашею печатью золотою»*.

Чокан исследует, сравнивая между собой тексты, переложенные профессорами Березиным и Казымбеком мурзой с уйгурского письма на арабскую транскрипцию. 19-летний корнет пишет: «Прочитав Ваш перевод ярлыка Тохтамыша к Ягайлу и перевод тарханных ярлыков Тимур-Кутлука и Саадат-Гирея, я нашел несколько слов, которые употребляются до сих пор у казахов Средней орды, и решился сообщить Вам их современные значения у нашего народа», затем переходит к основной теме.

В ханских ярлыках Золотая Орда именуется Улуг улус – Великим улусом. А в казахских легендах и героических дастанах это – золотоордынские ногаи. Казахи считают себя потомками тех золотоордынских татар (тюрков – авт.). Не случайно, что среди казахов широко распространены дастаны о таких известных личностях и батырах эпохи Золотой орды, как Едиге, Тохтамыш, Урак мурза, Ер Кокше и Ер Косай. И это свидетельствует о том, что казахи – один из народов, разделившихся на отдельные ханства после распада той среды, заключает молодой исследователь.

Он дает разъяснения некоторым словам, встречающимся в ярлыке. Так, арабскими буквами написано *тіләнмәк* (желать, просить как нищий), *қыған йета* (добрался тайно), *тербемек* (означает непрерывное качание), *тарбыб кетмек* (разойтись, разбиться), *ел тарбыб* (народ поднялся против), *базарқан ортақларың* (твои партнеры по торговле), *мұңқалтты* (мұқалтты, унизил). *Букаул* (распределитель добычи) употребляется в степи и теперь. У казахов есть поговорка «Азғана асқа бұқауыл болма, азғана елге бек болма» – «Не будь букаулом малого угощения, не будь беком малочисленного народа», здесь букаул в смысле разносителя блюд на ханском обеде.

«Предание казахов о своем происхождении оправдывается сказаниями Вашей Шейбани-намэ и Джами ат-тауарих, которая написана казахом Большой орды джалаирского рода, имеющего гребенчатую тамгу», – пишет Чокан. О происхождении самого автора летописи добавляет: *«Обстоятельства появления этих летописей таковы: был жалаирец из рода гребне-тамгового, служивший еще родителям Ураз-Мухаммед-хана; он эту книгу по «Чингис-намэ» перевел с персидского языка, а события, случившиеся в последующее время, описал на основании собственных исследований»*.

То, что Ураз-Мухаммед является сыном Ондан султана, внуком знаменитого Шигай хана и двоюродным братом Тауекель хана, он обосновывает и доказывает, опираясь на сведения из летописей Левшина, Небольсина, Саввы Осипова, на таблицы из летописи ханов, собранной Сибирским пограничным управлением. Когда молодой Ураз-Мухаммед в 1588 году вместе с семьей, с советником хана Кадыргали беком и свитой приезжал в гости в город Искер – столицу Сибир-

ского ханства – в орду Сейтека, потомка Тайбуги, и охотился в районе Тобола, русский воевода Данило Чулков обманом заманил его к себе, пленил и отправил в Москву в качестве «заложника». Чокан хорошо знал эту историю.

Хотя и до этого ему было известно, что молодой султан-заложник был тепло встречен со стороны русского царя, который в то время проявлял интерес к казахским землям, что последний царь Рюриковской династии Федор Иванович приблизил его к Двору, а после него занявший трон Борис Годунов назначил ханом Касимовского царства, расположенного на побережье Оки, Чокана особо заинтересовали сведения из летописи Кадыргали бека, подготовленной профессором Березиным. По установившейся традиции средневосточных летописцев того времени, это прекрасное произведение начиналось с посвящения-оды царю Борису, преподносило новые сведения по казахской истории и до того увлекло молодого исследователя, что он тут же перевел на русский язык главы, в которых отражалась история Степи. Обратил внимание на то, что у Ураз-Мухаммед хана было четыре уважаемых бека, из которых места с правой стороны трона занимали Кадыргали бек из рода жалаир и Саманай бек из рода мангыт, с левой стороны – Чач бек из рода аргын и кипчак Тукай бек; что сие произведение является чисто национальным, написанным на «чагатайско-тюркском языке, очень близком к казахскому языку того времени».

Он делает весьма грамотные комментарии к содержанию, языковой структуре «Джами ат-тауариха». Отмечает, что в данном тексте по сравнению с «Тюркской летописью» Абулгазы и «Шайбани-намэ» Биная редко встречаются легенды, что в нем немало присущих степнякам словосочетаний и пословиц, мысли и предложения весьма содержательны, что многие слова до сих пор встречаются среди казахов в том же значении. И делает заключение: данное произведение «по изобилию сведений относительно казахской истории не знает себе равных».

В разносторонности знаний Чокана можно убедиться уже по этим первым исследовательским попыткам. При переводе на русский язык отдельных мест «Сборника летописей» Кадыргали бека касательно казахской истории, он варианты некоторых слов и наименований, предложений, написанных в рукописи арабскими буквами, дает параллельно. Приводит значение на казахском языке таких слов, как *ару* (чистый, непорочный), *кеשמек* (переправиться), *табунмақ* (поклоняться), *йазы* (степь, поле), *айғақшы* (доказатель, свидетель), *қырышын* (тростник), *исир етмек* (взять в рабство), *дария қырығы* (берег реки) и составляет словарь «Джами ат-тауарих». Стремится к тому, чтобы высказать мысли, равные рассуждениям крупного ученого Березина.

Для подтверждения своих мнений приводит примеры из таких трудов, как «Тюркская летопись» Абульгазы, которая по инициативе графа Н.П. Румянцева (бывший министр иностранных дел России) в 1825 году была издана в Казани на основе близкого к кипчакской семье языков тюркского варианта, «Описание казахских орд и степей» А.И. Левшина, изданное в 1832 году в Петербурге, «Жиханнама» османского историка Катиба Челеби (1609–1657). Проявляет интерес к книгам немецкого ориенталиста Юлия Клапрота (1783–1835), английского путешественника Антони Дженкинсона (?–1611). Чувствуется, что он был хорошо знаком с произведением великого полководца из династии Хромого Тимура, историка, основателя империи Великих Моголов в Индии Захириддина Бабура (1483–1530) «Бабурнамэ», написанным на чагатайско-тюркском языке. Судя по

всему, Чокан, похоже, хорошо знал статьи «Бабур», «Бабурнамэ», «Династия Бабура» востоковеда, сотрудника «Журнала Министерства внутренних дел» В.В. Григорьева, написавшего их на основе варианта «Бабурнамэ», переписанного в сороковые годы известным востоковедом О.И. Сенковским, который в свою очередь приобрел его у бухарского торговца Назарбая Туркестани. А так книга, подготовленная преподавателем восточных языков Казанской духовной академии Н. Ильминским на основе другой рукописи «Бабурнамэ», переписанной в 1737 году исследователем восточных языков Георгием Керром, вышла в свет только в 1857 году. Чокан также дает понять, что им прочитан первый опубликованный в сороковые годы в «Журнале Министерства народного просвещения» вариант «Джами ат-тауарих» персидского летописца Фазлаллаха Рашид ад-Дина (1247–1318), который был издан в 1858 году в Петербурге отдельным изданием в переводе профессора Березина. Плюс к тому, о книге «Джами ат-тауарих» он встретил очень много сведений в четырехтомнике «История монголов: от Чингисхана до Тамерлана» на французском языке (первое издание увидело свет в 1824 году в Париже) шведского дипломата армянского происхождения Аврахама Константина д'Оссона, изданном в Амстердаме дважды – в 1835 и 1852 годах. В этом произведении на французском языке всесторонне говорится и о состоящей из трех частей истории Чингисхана и его потомков «Тарих-и-жахангушай» персидского историка Алааддина Атамалика Жувейни (1226–1283). Кстати, д'Оссон при работе над своим произведением широко пользовался рукописями Рашид ад-Дина и Жувейни, хранившимися в Парижской королевской библиотеке, поэтому приводит немало отрывков из них.

Молодого адъютанта исследовательские работы затягивали к себе изо дня в день. Еще одной важной темой, приковавшей его внимание, были исследования касательно быта, обычаев и традиций, устной литературы казахов. Из уст старожил он записывает рассказы о казахских батырах восемнадцатого века, варианты дастанов об Абылай хане, Урак батыре. Завершает ряд своих размышлений, связанных с этнографической сущностью казахского народа...

В своем исследовании «Тенкри», где описываются древние верования казахов, Чокан выдвигает много сведений познавательного характера для науки. Так, огонь почитается как святой объект. Невеста, поступая в новое семейство, должна войти в юрту отца мужа, принести в жертву огня ложку масла, затем совершить преклонение колена, приговаривая «аруах разы болсын» (пусть духи предков будут довольны). Во время горения жертвы мать жениха или кто-нибудь из женщин, нагревая ладонь на огне, водит по лицу новобрачной, и новобрачная отдает в честь огня халат, который берет хозяин (отец мужа) юрты, как владелец очага, и заставляет ее сесть на баранью шкуру, говоря при этом «будь мягка, как кожа».

Лечат огнем так: из семи частей тела скота вырезают куски, бросают в огонь и затем ими греют больное место...

Когда увидят новую луну, то три раза прискакивают и три раза делают поклон, потом срывают траву в том месте и, принеся домой, бросают в огонь.

Когда умирает человек, то его аруаху – духу – зажигают по одной свечке каждый день до сорокового дня, или только четыре дня по десять свечек. Свечи ставят у правой стороны порога. Потому что полагают, что до сорока дней дух умершего посещает свою юрту и узнает о расположении детей; для того

каждый день до зажжения свечи в сумерки отворяют дверь, наполняют одну чашку кумысом и в дверях постилают белую кошму, готовят прием для духа покойника. Все присутствующие в юрте, прочитав коран, выставляют чашку кумыса аруаху и зажигают свечку.

Когда рождается ребенок, в огонь поливают в качестве жертвы масло, приговаривая «у белой верблюдицы разорвался живот»...

Звезды казахи почитают душами людей, если видят падение звезд, то два раза говорят: «моя звездочка стоит еще!». Чокану часто приходилось слышать от отца Чингиса, когда входя вечером в юрту, он говорил: «Сегодня двое должны умереть». «Как?» «Две звезды пали».

Глядя с высоты сегодняшнего дня, в этом исследовании оставлено в письменном виде очень много сведений с этнографической точки зрения.

Если человек умрет в походе, то весь отряд, подъезжая к аулу с криком «Ой, бауырым» («о, мой родственник»), устремляется на юрту и начинает стрелять, колоть копьями и рубить деревья, растения на пути, рубить даже босага (косяки) юрты. Есть обычай так называемый «айналмак», пишет Чокан, то есть, человек как бы отдает себя в жертву, три раза обходя больного человека, лишь бы он выздоровел. Если поймалась птица, то ею обводят три раза вокруг головы и отпускают. Она должна забрать все несчастье и болезни на себя.

Вообще скот, как единственное средство существования народа, ведет к разным поклонениям к нему: не наступают на кости животных, если прольется молоко, то место полностью очищается, чтобы не оставить их в осквернении делается поклон и правая рука подносится ко лбу, подбородку, правому, потом левому плечу... То же делают, когда переходят через конские джели (натянутый на земле аркан, к которому привязывают жеребят), поскольку считается, что это тоже своего рода святое место. И когда увидят кузнечную наковальню. Не перешагивают через укрюк, топор и бакан (шест с развилкой, с помощью которого поднимают шанырак – верхняя часть остова юрты), ибо есть поверье: «переступивший через бакан – не разбогатеет, через топор – никогда не будет удовлетворенным». Лошади, верблюды, бараны, коровы относятся к числу святынь...

У казахов ислам, отмечает Чокан, соединяя с единобожием веру в тенгри и допуская существования бесплотных душ, джин, периев и шайтанов, не мог уничтожить злых духов шаманских. *Джин* – это дух, бес, к которому обращаются баксы. *Албасты* – дух, вредящий при родах. Их называют также *джезтырнак* – дух в образе женщины с медными когтями. Их глава – *сорель*, очень высокое существо, живет в дремучих лесах, убивает человека, измучив щекотанием. *Кон аяк* – это человеческий дух, вместо ног имеет ремни, живет в лесах и на островах. Подозвав неосторожного путешественника, садится на него, обвязывает его ремнями и ездит на нем до тех пор, пока тот, выбившись из сил, не падет.

Предсказателей и ясновидцев казахи также называют баксы. Все баксы – лекари. Все предсказания свои они говорят от лица своих духов, которых они, применяясь к настоящему мусульманству, называют «періште» – ангелами. Великие баксы лечат всех больных, режут животы, помогают при родах, заставляя своего духа угнать албасты, гадают, призывая духа своими играми. Признаки большого баксы суть следующие: во время игры саблю впускает до эфеса в

горло, лижет раскаленное железо, бьет из всей силы себя в грудь топором, и все это сопровождается игрою на кобызе, инструменте, созданным когда-то святым Коркытом. Среди баксы наиболее сильные гадают по обожженной бараньей лопатке, которых называют жаурынчи.

Гадатели-ильты обычно гадают по цвету пламени, бросая в огонь жир.

Из баксы прославился баганалинец Койлыбай. Есть еще сильные баксы – баганалинец Бакалай, а в настоящее время в Кокчетауском округе Чумен. У Койлыбая главным пери является Надыр-Чулак, главным джином – Кокаман и главным духом – Ир-Чойлан.

При родах женщины в присутствии Койлыбая ни один дух албастыне имел власти.

Изумительный пересказ Чоканом всего услышанного о Койлыбае представляет собой целый рассказ. Уже по нему можно уловить замечательный почерк будущего большого мастера пера.

СКРЕЩЕНИЕ СУДЕБ

На месте центральной площади бывшей Омской крепости сейчас – сад. В нем растут разные деревья и цветы, имеются бассейны с чистой водой, размещены выставки-павильоны. Когда я 1985 году был в Омске, вокруг сада было лишь четыре дома, дошедших до наших дней в целостности и сохранности с времен Чокана.

Один из них – бывшая гауптвахта, в которой располагался областной военный комиссариат. Второй – лютеранская церковь, превращенная в музей областного управления внутренних дел. Третий – построенное в 1861 году двухэтажное здание, служившее и тогда, и сейчас домом офицеров. На всех этих зданиях есть следы чокановского духа. В воспоминаниях о нем говорится, что ему как адъютанту Гасфорта приходилось препровождать на гауптвахту многих проштрафившихся перед губернатором людей. А рядом стоящий дом офицеров тоже был местом, где часто бывал Чокан, когда жил в Омске.

Четвертое здание, стоящее в восточной части площади, выдержавшее груз времени – дом бывшего коменданта крепости полковника А.Ф. де Граве – в настоящее время превращено в литературный музей имени Ф.М. Достоевского, очень близкого, старшего друга Чокана Валиханова. Мемориальная доска, установленная на стене одноэтажного дома с красной железной крышей, гласит, что он построен в 1799 году. На углу со стороны улицы имеется барельеф на всю высоту дома, на котором изображен знаменитый мастер пера и выведены слова: «В этом доме бывал великий русский писатель Федор Михайлович Достоевский».

Омская крепость – свидетель четырех мучительных лет Достоевского, посланного в Сибирь пропагандиста утопического социализма, обвиненного как опасный преступник за участие в подпольной организации титулярного советника М.В. Петрашевского.

Начиная с 1844 года во встречах студентов, чиновников, офицеров, ученых, литераторов и учителей, которые проходили в Петербурге на квартире Петрашевского по пятницам, стали участвовать писатели Ф.М. Достоевский, М.Е. Салтыков-Щедрин, поэты С.В. Дуров, А.Н. Майков, А.Н. Плещеев и др. Пе-

трашевцы, считавшие себя сторонниками французского утописта Шарля Фурье (1772-1837) – идеолога «построения общества, призванного сделать все человечество счастливым», обсуждая вопросы касательно всех сфер жизни, больше внимания уделяли политическим темам. В таких случаях выдвигалась главная мысль о том, что в корне всего – незаконности и несправедливости, невежества и отсталости – лежит деспотизм царского режима. Высказывались мнения о необходимости свержения монархизма революционным путем и внедрения республиканского, однопалатного парламентского правления, установления порядка выборности всех правительственных служб, уничтожения крепостного права. Подвергалась беспощадной критике насильственная политика царя Николая I, который сразу же после восшествия на престол потопил в крови выступление декабристов, наголову разгромил польское восстание, направил стотысячную армию на подавление вооруженного выступления венгров против монархического абсолютизма династии Габсбургов. Свободно изливались такие революционные мысли о том, что царь Николай I, прозванный в народе «Николаем с дубинкой», является жандармом не только России, но и Европы, палачом, у которого рука не дрогнет ни перед чем, следовательно, немедленно надо приступить к подготовке свержения власти Романовых.

На некоторых заседаниях обсуждались и проблемы науки, религии, свободы слова, литературы и искусства. Читались произведения, запрещенные царской цензурой. На одной из последних встреч Достоевский вдохновенно прочитал перед собравшимися «Письмо Белинского Гоголю», присланное ему тайно другом Плещеевым из Москвы. На слушателей оказало неизгладимое впечатление «мятежный» памфлет великого критика, скончавшегося в предыдущем 1848 году, в котором он подвергал убийственной критике власть, за что на это произведение был наложен запрет.

Подпольную организацию, попавшую в поле зрения царской охраны, вскоре разоблачили. В апреле 1849 года тридцать один петрашевец был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Достоевского обвинили в том, что он обнародовал запрещенное письмо Белинского Гоголю.

Рассмотрев уголовное дело, военный трибунал приговорил отставного инженера-поручика Ф. Достоевского, других активистов организации – титулярного советника М. Петрашевского, помещика Н. Спешнева, поручиков Н. Момбелли, Н. Григорьева, А. Пальма, коллежского асессора С. Дурова, поэта-дворянина А. Плещеева – всего двадцать один человек – к смертной казни.

Для публичного расстрела их морозным утром декабря привезли из Петропавловской крепости, где каждый провел в одиночной камере восемь месяцев, на Семеновский плац. Им прочли конфирмацию смертного приговора, переломили шпагу над головой дворян, надели предсмертные рубахи. Офицер скомандовал солдатам целиться, но следующая команда «Пли!» не последовала... Все это было только ужасающей церемонией. Тут же на плац доставили пакет с царским указом о помиловании – замене смертной казни каторгой, в том числе Достоевскому – каторгой на 4 года с отдачей потом в рядовые солдаты. Несмотря на это смягчение петрашевцам пришлось выдержать, как с содроганием вспоминал писатель, «десять ужасных, безмерно страшных минут ожидания смерти».

В январе 1850 года он вместе с другом, поэтом Сергеем Федоровичем Дуровым, оба закованные в кандалы, подъехали к Тарским воротам Омской крепости.

Их отвели в старую деревянную казарму для арестантов. Здесь оба писателя в течение долгих четырех лет пережили нечеловеческие унижения и насилие, несправедливость и горе. Обычно Достоевский сетовал на неважное здоровье, но оказался обладателем сильной воли, способным противостоять неимоверным трудностям. А пламенный поэт лермонтовского духа Дуров до тюрьмы слыл настоящим кавалером, натура которого являлась как бы средоточием буйной молодости, энергичного духа, но за эти страшных четыре года он превратился в немощного, разваливающегося старика...

Несомненно, Чокан еще в годы учебы в кадетском корпусе не мог не знать о заключении писателей-петрашевцев в Омской крепости. В этой связи вспоминается, что инспектор корпуса Ждан-Пушкин тесно общался с Достоевским, способствовал доставке петербургским родственникам его тайных писем, а когда в начале 1854 года оба писателя освободились, несколько раз приглашал их к себе в гости. Поэтому никак невозможно, чтобы Ждан-Пушкин, однажды заперевший в своем кабинете Чокана и заставлявшего читать журнал «Современник», и Костылецкий, открыто пропагандировавший на своих занятиях идеи свободы, не сказали своим воспитанникам, что Достоевский, творчество которого влилось в русскую литературу как новое веяние, находится в тюрьме крепости.

Для Чокана, с кадетских лет всесторонне познавшего Пушкина и Лермонтова, Белинского и Гоголя, хорошо было известно и имя Достоевского. Он увлеченно читал его замечательный роман «Бедные люди», опубликованные в «Отечественных записках» повести «Близнецы», «Белые ночи», «Неточка Незванова». Теперь вот этот большой мастер пера, прозванный знатоками «надеждой русского искусства слова», «преемником Гоголя», томился в ужасающих условиях заточения в Омской крепости. В последние годы учебы в корпусе Чокан, бывая в домах Гутковских и Капустиных и слушая о печальной участи писателей, искренне страдал за них. Вполне возможно, что он в тот момент искал пути оказания им какой-нибудь помощи.

Об участи писателей с состраданием думали и некоторые люди внутри самой крепости. В сведениях о Достоевском говорится, что он испытывал настоящую заботу со стороны коменданта крепости того времени, полковника А.Ф. де Граве и его жены Анны Андреевны, врача военного госпиталя И.И. Троицкого. Если бы они не уделяли такого внимания арестанту «Мертвого дома», как назвал сие заведение сам Достоевский, его здоровье оказалось бы под угрозой. Когда арестантов направляли на самые тяжелые работы, комендант крепости старался забирать его к себе домой на легкую работу или дать ему отдых. На большее и сам полковник не был способен. Ибо для Омской администрации писатель был «государственным преступником». Позднее его отправили в Семипалатинск в качестве солдата. Только после отбытия этой повинности его оправдали и разрешили вернуться в Россию. На обратном пути он еще раз заехал в Омск. И одним из домов, которые он посетил, был именно особняк де Граве, весьма тепло относившегося к нему в период содержания в тюрьме.

Небезразлично относился к судьбе Достоевского и пограничный начальник сибирских казахов, полковник Н.М. Спиридонов. Через своего хорошо знакомого врача госпиталя Троицкого он всегда справлялся о состоянии писателя. Когда его позже перевели военным губернатором Семипалатинской области, он через личного адъютанта В.П. Демчинского продолжал заботиться о писателе-солдате.

Среди экспонатов, показывающих страдания Достоевского в Омской крепости, имеется ряд сведений о людях, поддерживавших с ним дружеские отношения и способствовавших облегчению его участи. В том числе особый разговор отводится дружбе Валиханова и Достоевского. На самом видном месте музея висит известная их совместная фотография, сделанная в мае 1859 года, когда Чокан, возвращаясь из Кашгара, заезжал в Семипалатинск. Под ней помещены также автопортрет Чокана и ремень от его сабли.

Первая встреча двух великих личностей двух народов состоялась в январе 1854 года после освобождения писателя. Те, кто заботился о судьбе Достоевского и Дурова, продумали о том, чтобы их не сразу отправили в солдаты, а чтобы они некоторое время побыли в Омске, пришли в себя после тюремного ада. Эту миссию на себя взяла семья Иванова, давнего знакомого писателей, которая около месяца держала их, только что снявших кандалы, у себя, создала условия для отдыха.

Хозяйку этого доброго, щедрого семейства Ольгу Ивановну – дочь сосланного в Сибирь декабриста Ивана Анненкова и его жены француженки Полины Гебль (Полина Егоровна Анненкова), которая работала в магазине мод Петербурга, но пожелала поделить с мужем все выпавшие на его голову тяготы – Достоевский впервые видел на пути в Омскую тюрьму, в Тобольске. Тогда вместе с другими женами декабристов Ж.А. Муравьевой, Н.Д. Фонвизиной, П.Е. Анненковой на встречу со ссыльными приходила еще юная Ольга. Декабристки помогли писателям как могли. Договорившись с конвоирами, сумели доставить их в Омск на санях, тогда как другие в сильный мороз добирались пешком. Дали еду на дорогу. Затем подарили каждому по карманной евангелии. А в обложку книги были спрятаны десятирублевки.

Двадцатилетняя Ольга провожала писателей со слезами, проявляя искреннее сострадание к ним, затем она сообщила о себе, когда те были заключены в Омскую тюрьму. В этот период ее муж, военный инженер, подпоручик Константин Иванович Иванов, который параллельно учился с Достоевским в Петербургском инженерном корпусе, работал в Омске адъютантом начальника инженерной службы Отдельного сибирского корпуса генерал-майора Бориславского. Эта семья, время от времени уделявшая соответствующее внимание заключенным писателям, считала своим человеческим долгом приютить их у себя после выхода из тюрьмы. Если Ольга когда-то одним из последних провожала писателей из Тобольска на каторгу, то теперь она с мужем первыми встретили их после отбытия тюремного наказания.

В этом доме писатели впервые за четыре года стали читать книги и журналы. Имели беседы с представителями интеллигенции Омска, хорошо знавшими их. Хотя хозяйка не пускали к ним лишнего посетителя, не хотели особо беспокоить их утомительными встречами, но не могли устоять против просьбы молодого корнета Чокана Валиханова, который уже стал близким для них человеком.

...Бывшие узники сначала несколько отчужденно держались от казахского юноши в форме русского офицера. Но буквально через некоторое время завязалась взаимоувлекательная беседа. Писателям сразу же пришлось по душе зрелость и энергичность натуры молодого корнета, его неординарные рассуждения по вопросам литературы, культуры, истории, общества. Эти дни, проведенные

в открытых, даже задушевных разговорах, остались в памяти только что вышедших из «Мертвого дома» двух писателей как самые приятные мгновения.

Начиная с первой встречи, Достоевский и Дуров восприняли молодого казаха как духовно очень близкого человека. Первые впечатления постепенно переросли в большую дружбу.

Если Достоевский, отбывая солдатскую повинность в Семипалатинске, писал Чокану, что «он влюбился в него», то Дуров, работавший канцелярским служащим четвертого разряда в Омском областном управлении сибирских казахов, часто встречался с ним, они тесно общались между собой. Дуров после тюрьмы сразу был отправлен рядовым в Петропавловскую роту 3-го батальона Сибирского пограничного войска. На его окончательное подорванное в тюрьме здоровье благотворно повлияли свежий воздух степи и лечение тамошнего врача И.Ф. Зюкова. Все же с таким слабым здоровьем тянуть нелегкую солдатскую ляжку в дальнейшем было невозможно. Поэтому через год, весной 1855 года приказом командира Отдельного сибирского корпуса Гасфорта «из-за негодности здоровья к воинской службе» Дурову было разрешено вернуться в Омск и работать рядовым сотрудником канцелярии в областном управлении сибирских казахов, возглавляемом Гутковским. Он снимал квартиру недалеко от дома, где жил Чокан. С того времени между двумя соседями открылся широкий простор для многих ярких бесед, в познавательном плане сильно обогащавших обоих.

* * *

Низкий одноэтажный дом, где жил Чокан, находился к востоку от крепости, в районе форштада Мокрое, в дождливую погоду эта сторона превращалась буквально в непроходимое болото. *(В Омске принято называть поселение вокруг крепости форштадт. Это слово произошло от немецкого vorstadt – городская окраина. В городе кроме указанного выше есть еще Бутырский, Новослободский, Казачий, Ильинский форштадты).* Пространство между форштадтом Мокрое и крепостью разделял рукотворный густой лес, называемый «Любиной рощей» в честь жены генерал-губернатора Гасфорта, скончавшейся в 1852 году. Многие люди, работавшие в канцелярии Омской администрации, в основном жили в Мокром (Чокан в письме отцу называет его по-казахски – «Шұрык»). Об этом свидетельствует то, что и семьи советника главного управления Западной Сибири Я.С. Капустина, председателя областного управления К.К. Гутковского тоже жили в этом форштадте.

...В доме Капустиных, где много было девушек, по-прежнему проходили традиционные вечера «высшего света» омской молодежи. В таких случаях старший сын этого семейства Семен Яковлевич Капустин, работающий вместе с Чоканом в Западно-Сибирском главном управлении, ставший его замечательным другом, хотя на семь лет был старше, всегда с особым удовольствием встречал его. Он был одним из тех, кто симпатизировал казахскому джигиту, который слыл прекрасным рассказчиком, способным увлечь любую среду своей общительностью, своим искрометным юмором, весьма разносторонними знаниями.

Чокан приводил на эти вечера и соседа Дурова, недавно освободившегося из заключения. Дуров тоже с особым интересом посещал эти собрания, на которых обычно велись интеллигентные разговоры, обсуждались произведения английских писателей Диккенса и Теккерея, пламенные стихотворения немецкого поэта

Гейне, новые вещи, опубликованные на страницах журналов «Современник» и «Отечественные записки», затрагивались острые проблемы по общественной жизни и политическим вопросам. И сам активно участвовал в них – выпрямив тело, страдающее от болезни суставов в результате тюремных страданий, с горящим взором он декламировал свои поэтические переводы из Барбье и Беранже, Шенье и Байрона.

На этих вечерах не оставалось незамеченным мастерство Чокана высказываться с юмором, сарказмом. Казалось, это качество, берущее начало от творчества степных ораторов и биев, акынов – мастеров айтыса, которых он слушал с самого детства, получившее развитие в стенах кадетского корпуса благодаря Костылецкому, резко критиковавшему злостные признаки общества, ярому противнику монархии Дурову, гармонично вписывалось в натуру Чокана. Вообще, казахи испокон веков питают большой, здоровый интерес к шуткам, насмешкам, к незлому осмеянию. Создается впечатление, что эту природную склонность Чокана еще больше усилило, совершенствовало европейское образование. В его шутках часто встречаются сатирическая насмешка и юмор Гейне. Не случайно его современники признавались в том, что «никто в Омске не мог превзойти его по остроте языка».

В одной из встреч участвовал один щеголеватый молодой человек, который очень ревностно следил за своим внешним видом. Услышав в застольной беседе о Теккерее, он обратился к сидевшему рядом Чокану с просьбой, чтобы тот познакомил его с господином Теккереем. Чокан, мягко улыбнувшись, дал согласие. После застолья он повел щеголя к портрету писателя, висевшему на стене, и во всеуслышание сказал: «По просьбе этого господина я знакомлю его с Теккереем».

Большинство анекдотов-издевок Чокана касается чиновников, работающих во дворце губернатора, где работал он сам. Среди них особенно те, кто высокомерно смотрел на него как на инородца, но на самом деле сам был бестолковым администратором, становился объектом его горькой шутки, попадал под острие его острой критики. Так, о тщеславном генерале Н. Волкове он говорил, что тот прикрепляет орденские колодки до самой обуви, а объектом другой насмешки явились придурковатые выходки военного губернатора области сибирских казахов, генерал-майора Г.К. фон Фридрихса, который доклады своих подчиненных слушал, играя на флейте, а документы, приносимые ему на подпись, он заставлял взвешивать на весах и затем, важничая, говорил, сколько пудов бумаг ему приходится ежедневно подписывать. Чокан не обходил вниманием и своего непосредственного начальника, генерал-губернатора Гасфорта, чванливость, фанатизм которого становились темой его очередных насмешек...

В то время Гасфорту перевалило за шестьдесят, родом он был из немецких дворян, проживавших в Остзейском крае (Прибалтика). Окончил ветеринарное учебное заведение и дорожный институт в Кенигсберге, затем некоторое время работал ветеринаром в Прусской армии. Когда Россия и Пруссия, объединившись, воевали против Наполеона, Гасфорт был командирован в русскую армию, где не хватало ветеринаров. В одном из сражений с французами под Прейсиш-Эйлау, что на кенигсбергской земле, погибло много русских офицеров и Гасфорт был вынужден заменить их. И тут он был замечен своими командирскими способностями. За мужественные действия ему присвоили офицерское звание и он

остался в русской армии. В войне России против Наполеона Гасфорт участвовал в составе армии Барклай-де-Толли, и тут проявил себя умелым инженером при создании оборонных систем. Генералу нравилось рассказывать об этой поре своей жизни, всегда начиная со слов «когда я был в подчинении у великого полководца Барклай-де-Толли». Позднее участвовал в преследовании французов. Темой большого разговора у него могло явиться участие во взятии Парижа в составе корпуса фельдмаршала Г.Д. Блюхера. После этого он активно участвовал в войне России на Кавказе, Балканах и в Польше. В 1833 году в Бухаресте принял гражданство России. В 1849 году при подавлении венгерской революции во время обороны Германштадта (Сибиу) отличился как умелый тактик-организатор. Гасфорту нравилось рассказывать, как он в этих оборонительных боях вместе со своим отрядом совершил весьма удачное отступление, подчеркивать, что это явилось в мировой истории войн одной из операций, имеющих самое важное стратегическое значение. Награжден различными орденами, Крестом Святого Георгия 3-ей степени, бриллиантовой табакеркой с изображением императора, украшенной золотом саблей с надписью «За мужество». Прибыв в Омск в звании генерал-лейтенанта, в 1853 году стал генералом от инфантерии.

С одной стороны кажется, что губернатор – хороший знаток военного дела, имеющий европейское образование, с богатым командирским опытом. Однако современники в своих воспоминаниях характеризуют Гасфорта в должности руководителя Западной Сибири как человека мягкого, простоватого, даже наивного, со слабыми администраторскими способностями в отличие от прежнего жесткого, грозного губернатора П.Д. Горчакова (1789-1868). Но он считал себя очень образованным человеком, был склонен думать, что царь не зря направил его в эти края. Поэтому, дескать, он должен совершать особые дела, чтобы император был доволен им.

И вот одним из таких особых дел, по его мнению, явилось внедрение в казахскую среду новой религии. Как-то он дал задание своему помощнику Чокану Валиханову, как пять пальцев знающему казахскую жизнь, написать справочный материал о традициях и обычаях, древнем веровании этого народа. Ничего не подозревавший исполнительный адъютант быстро справился с заданием, оперативно положил на стол начальника бумагу. Ознакомившись с этим материалом, Гасфорт подумал: «Значит, в казахском народе ислам еще не пустил глубокие корни. Этот народ не совсем отошел и от своих древних традиционных верований. А почему бы не придумать для него новую религию...». Внезапно возникшая идея как-то сразу вдохновила генерал-губернатора и он решил быстро внедрить ее в жизнь. «Я убедился, что для вашего народа надо создать новую религию», – сказал он Чокану, буквально ошарашив его этим. Затем с большим энтузиазмом приступил к изучению некоторых книг, чтобы стать новым «пророком». Затем по-своему систематизировал мысли о «новой религии», перенес все на бумагу и отправил царю для утверждения.

По мнению Гасфорта, проповедь христианской религии в казахской среде не может иметь успеха, так как многие обычаи и условия кочевой жизни не совместимы с догматами христианского учения. С другой стороны, обращение огромной казахской народности в мусульманство противоречит русским государственным интересам. Поэтому нужно дать казахам новую религию, приспособленную к условиям их жизни и соответствующую русским государственным интересам.

Определяя догматы этой новой религии, нужно принять за их исходную точку ту религию, которая была старым заветом закона божия, а именно еврейскую, очистив её от талмудских толкований и реформировав в духе христианства, то есть, присоединив к заповедям и учениям Моисея многие догматы христианской религии. Полный проект этой религии, обличающий обширные теологические познания Гасфорта, был представлен им Николаю I, который, как говорят, написав на записке резолюцию: «Религии не сочиняются, как статьи свода законов» возвратил её автору с нелестным отзывом об его соображениях.

И другие многие выходки генерал-губернатора служили поводом для возникновения разных шуток с иронией. Например, темой отдельного повествования явилось бы то, как он придирался к топографам, почему на картах степи не показаны горы, как он хотел поставить себе памятник при жизни. Причем все это с удивительным сарказмом, изобретательными картинками доводил до слушателей, вынуждая их смеяться до упаду, не кто иной, как один из его помощников – Чокан.

По роду своей адъютантской службы Чокану приходилось постоянно встречаться с Гасфортом не только в канцелярии, но и часто бывать у него дома, стать завсегдатаем генеральского стола, поэтому он мог точно подражать его манерам, фантазерству, стремлению выглядеть умным, разносторонним знатоком всего и вся. Однажды он даже записал в своем дневнике, как тот важничал перед своими гостями и своей молодой женой: «Если бы я не стал генералом, а с самого начала пошел по литературной стезе, то сегодня стал бы знаменитым романистом в молодые годы мною написано немало романов... Вот, вы все хвалите какого-то Гоголя, а написанное им мне совсем не нравится, его «Ревизор» сплошная ложь. Я объездил Россию вдоль и поперек, но нигде не встречал Бобчинских и Добчинских, даже в нашей Сибири нет таких образов...».

Каждый, кто прочтет почти десятистраничный монолог под названием «Трактация о романах, а также о романах, написанных самим его высочеством», полный едкого юмора, написанный прекрасным языком, мог бы четко представить себе образ генерал-губернатора, ставший объектом многих шуток.

«...Да, матушка, муж твой был некогда романист, но занят крепко был, романист, да только, так сказать, не твою (улыбка), не сентиментальный, не твою, чтобы какая-нибудь Жорж Занд или Гоголь, что ли там у вас, господа, которым вы так восхищаетесь, я не нахожу в нем ничего. Я... (ковыряет между клыков).

А сам я писал вроде Диккенса: в глубоко патетическом и вместе с тем забавно-юмористическом тоне (выпивает последний глоток пива). Жаль, господин Валиханов, что этих романов теперь у меня нет, я бы дал бы Вам их в полное и неотъемлемое право (произнес «т» с особенным ударением), если бы Вы их издали под своим именем, то, нет сомнения, Вы бы получили репутацию и авторитет лучшего писателя... – пишет Чокан, точно передавая манеру разговора Гасфорта.

Генерал-губернатор, всегда озабоченный тем, чтобы удивлять окружающих своими знаниями, при встрече со старшими султанами вообще испытывал вдохновение. Так, он предварительно узнавая у Чокана, откуда приедут главы округов, знакомился со сведениями по этим округам, чтобы поразить их своей осведомленностью. Как-то принимая таких посетителей, он обратился к вну-

ку Тогума – сына Абылай хана, старшему султану Каркаралинского округа, хорунжему Шалгинбаю Бралиеву: «Скажите, милейший, население волости жузмамбет-тобыкты по-прежнему кочуют в районе рек Аршалы, Кумадыр, Темирчи, Кызылтас? Не перешли они в сторону Тоқырау, Сарысу, Мойнты, которые относятся к волости алтеке-сарым?..». От удивления старший султан, конечно, чуть не потерял дар речи, «Не-нет, все на своих джайляу», – ответил он скороговоркой, придя в себя.

Не только он, поражены были и все другие присутствующие. «Надо же, сидя в Омске, как генерал-губернатор знает обо всем?» – думал каждый из них.

В своем стремлении производить на всех впечатление Гасфорт любил задавать подобные вопросы и гостям, чиновникам, юристам, прибывающим из внутренних областей России. И это, естественно, не остается вне внимания Чокана – так рождается очередная серия анекдотов.

Современники в один голос утверждают, что у Чокана в характере и умении держать себя была какая-то особенная тенденция вольности, гармонии. Говорят, он своим поведением, внешностью, острым языком, умением делать свою среду объектом тонкого юмора и шумного веселья во многом старался быть похожим на гордого Лермонтова, на его гусарскую свободу. И одевался он всегда с иголки. Зимой ходил в военной шинели с бобровым воротником, ухаживал за ногтями и на одном пальце отпускал ноготь по-китайски. Он любил хорошую барскую обстановку в своей небольшой квартире. На полу лежал бухарский ковер, рабочий стол его был уставлен дорогими безделушками. И портсигаров у него была целая коллекция. На одном из них была изображена крыса, сверлящая буравчиком земную поверхность. Это, по мнению Чокана, был изображен геолог. Да и табак он курил не всякий, больше всего ему нравились сигары, выпущенные знаменитой Тереховской фабрикой...

* * *

Из писем Чокана известно, что у любимого племянника, когда приезжал в Омск, постоянно останавливался и его родной дядя, старший султан Баянаульского округа Муса Шорманов (1819–1884). Сын Шормана, знатного бия под рода каржас из рода суюндук племени аргын, Муса с детства овладел русской грамотой, был волостным управителем, в 1843–1854 годах – бием-заседателем округа, в 1851 году даже исполнял обязанности старшего султана. С 1854 года постоянно, в течение четырнадцати лет, является старшим султаном Баянаульского округа. Два раза побывал в Петербурге: в 1855 году – на похоронах царя Николая I, в 1856 году – на инаугурации царя Александра II. (Пользовавшийся всеобщим уважением, этот образованный, мудрый человек в конце 1868 года, когда согласно новому административному уложению были упразднены округа, вышел в отставку в чине полковника).

По некоторым сведениям, на квартире вместе с Чоканом жил его ровесник, выходец из Баянаула, будущий известный певец, композитор Муса Байжанов. Когда он родился, взрослые нарекли его этим именем, ибо именно в том году волостным управителем рода кулеке-каржас был избран молодой, энергичный Муса Шорманов – родителям хотелось, чтобы их ребенок стал таким же прославленным как этот степной воротила. Однако он с малых лет остался без матери, попал в лапы нищеты и терпел положение неродного, но будучи в семье у дяди

по отцу Тайжан муллы, с семи лет выучился грамоте. Именно с детских лет у него проявилась тяга к искусству пения, к домбре и кобызу. Юношей он нанялся пастухом к торговцам, возвращавшимся с Кояндынской ярмарки, и вместе с ними добрался до Кызылжар (Петропавловска). Живой, шустрый от природы юнец несколько лет работал у одного купца слугой, овладел русским, татарским языками, русской грамотой, научился очень хорошо играть на балалайке, скрипке, гармошке, стал прекрасным певцом, сочинял песни, словом, стал одним из способных и талантливых молодых людей небольшого города. В ту пору он попадает на глаза Чокану. Вероятно, адъютант начальника штаба Отдельного Сибирского корпуса, генерала-лейтенанта Яковлева встретился с Мусой, когда на пути в Сырымбет или обратно останавливался в Кызылжаре. Покоренный талантом сверстника, земляка своего дяди, он берет его с собой в Омск и способствует тому, чтобы тот продолжил учебу на русском языке, жил вместе с ним...

(Это уже произошло потом, когда представители династии Шормана, правителя Баянаула, особенно младший брат старшего султана, волостной управитель Мустафа, устроили гонения за композитором Мусой. Начиная с 1856 года, начинаются летние путешествия Чокана. Говорят, буквально накануне этого старший султан Муса, увидев на квартире племянника молодого талантливого юношу, намекнул, что ему надо бы вернуться домой, а он бы позаботился о том, чтобы создать ему необходимые условия. Это предложение пришлось по душе Мусе, который много лет провел вдали от родных мест, изрядно соскучился по родным и близким, поэтому он вскоре возвращается в Баянаул. Но образованному, испытавшему городское влияние джигиту с прямой натурой совсем не нравились негативные картины аульной жизни, не мог он терпеть притеснение людей местной аристократией, погрязшей в несправедливости, мздоимстве, о чем он высказывался открыто, резко, а это, естественно, было не по душе власть имущим, баям. С другой стороны одаренный юноша становится украшением веселья на всех тоях, публичных мероприятиях, центром внимания для красавиц аула. По дошедшим до нас рассказам, он влюбляется в дочь волостного управителя рода кулеке-каржас Мустафы Шорманова Гаухар, посвящает ей песню. Это было на руку Мустафе, который давно точил зуб на «возмутителя спокойствия» сына Байжана, и по его распоряжению Мусу подвергают телесному наказанию. Более того, по велению Мустафы, его имя в книге регистрации волости меняют на Жаяу (буквально, «Пеший»), чтобы он не «позорил» имя старшего султана, чтобы новое имя всегда напоминало его давнишнее положение, когда он, безлошадный, нанялся пастухом к татарскому купцу, следовавшему в Кызылжар. Ответом на этот произвол рождается известная песня Мусы «Аксиса». Она стала сразу же очень популярной, что еще больше взбесило Мустафу. Волостной управитель навесил на него ярлык «распространителя крамолы, вора, агитатора народа против царя» и, подкупив русских чиновников, добился того, что Муса Байжанов в 1860 году был отправлен в Тобольскую тюрьму... Видя произвол младшего брата, старший султан Муса Шорманулы не предпринял никаких мер и не защитил пламенного певца, возможно, потому, что тот не раз направлял стрелу критики и в адрес его самого. Чокан не знал обо всем этом. В тот момент он после возвращения год назад из опасного Кашгарского путешествия по специальному приглашению Министерства иностранных дел работал в Петербурге...

Все же в Тобольске другой потомок Вали хана сделал доброе дело для Жаяу Мусы. Когда жил у Чокана Жаяу Мусе довелось познакомиться с его двоюродным братом Гази (Султангазы) Булатулы. Он был внуком Губайдоллы, который после смерти Валихана занял трон, был первым старшим султаном Кокшетауского округа. После окончания корпуса в 1859 году Гази тоже был направлен в распоряжение командира Отдельного Сибирского корпуса. Конечно, в том, чтобы остаться в канцелярии Гасфорта, ему помог Чокан, достойно закончивший летом того года свое Кашгарское путешествие. Да и Гасфорт тоже не был против того, чтобы рядом находился еще один Валиханов. Он командировал молодого корнета на побережье Черного Иртыша к родам семиз наймана и использовал как одного из образованных потомков знаменитого Абылай хана в проведении переговоров по принятию этого региона в российское подданство. По возвращению оттуда, когда осенью 1860 года русские войска захватили крепость Бишкек и в плен попали два кокандских хакима – Атабек датха и Алишер датха – он служил при них переводчиком. На следующий год Гасфорта заменил новый губернатор А.О. Дюгамель, который перевел Гази в Тобольский кавалерийский полк Сибирского казачьего войска. Здесь он встречается с Жаяу Мусой, поддерживает его идею написать на имя царя прошение о «приеме в кавалерию и готовности служить верой и правдой», чтобы вырваться из тюремного ада... Сам он через два месяца едет в Петербург, где доводит до военного министра Д.А. Милютинна свое намерение «быть в столице, служить рядом с императором». Царские чиновники не были против желания знаменитого ханского отпрыска из казахской степи. Гази направляют сначала в белорусский гусарский полк имени великого князя Михаила, затем – командиром эскадрона лейб-гвардии казачьего полка. Когда 23 января 1863 года вспыхнуло польское восстание, их кавалерийскую часть срочно отправили в Вильно (нынешний Вильнюс) для подавления национально-освободительной борьбы поляков... В сведениях о Жаяу Мусе говорится, что он во время этого восстания в составе грузового батальона тоже принимал участие в военных действиях на территории Литвы, Польши, Беларусь. Судьбы Жаяу Мусы и Гази столкнулись и во время похода Черняева в 1864 году по захвату города Аулиеаты (Тараз), входившего в состав Кокандского ханства. С конца 1863 года поручик Гази Валиханов, служивший у начальника казахов Алатауского округа и Старшего жуза, генерал-майора Г.А. Колпаковского, командовал милицией, состоящей из казахов, в отряде полковника Черняева. В составе войска, переведенного из Польши для участия в Кокандском походе, был и Жаяу Муса, который теперь тоже был определен в вышеуказанную милицию. В отряд, сформировавшийся в Алматы, в середине апреля был включен и штабс-ротмистр Чокан Валиханов из Омска как наиболее достойный человек для ведения возможных переговоров в ходе предстоящего похода. Там давние знакомые встретились вновь...)

Вернемся к квартире Чокана на Мокром. В этом небольшом домике по его приглашению часто бывали многие казахские певцы, акыны и жырыши. Молодой ученый записал у них многие замечательные образцы устной литературы.

На этой квартире также не раз бывал с лета 1854 года по лето 1857 года полковник Чингис Валиханов, работавший советником областного управления сибирских казахов, иногда живший в Омске. Хотя он в основном устраивался

в гостином доме с мечетью рядом, который был специально воздвигнут для приезжающих представителей казахской степной аристократии, но частенько посещал и квартиру сына. Будучи советником Чингис в конце зимы 1855 года во главе делегации султанов и биев Среднего жуза отправился в Петербург, чтобы принять участие в похоронах безвременно скончавшегося царя Николая I и в принесении чувств верноподданнической преданности взошедшему на престол его сыну Александру II. Архивные документы свидетельствуют, что вместе с Чингисом в той поездке были: его шурин, старший султан Баянаульского округа, сотник Муса Шорманов, старший султан Акмолинского округа, прапорщик Ибрагим Жаикбаев, султан Акмолинского округа Бегалы Коныркульджин, бий-заседатель от казахов Баянаульского округа, хорунжий Секербай Малгельдин, волостной управитель алеке-байдалинской волости Аккошкар Кишкентаев, бий нурбике-шаншаровской волости Каркаралинского округа Таттымбет Казангапов, волостной управитель есенбай-караульской волости Кокшетауского округа Чубек Байсарин. Причем подчеркивается, что из них Чингис, Ибрай и Муса неплохо владеют русским языком, остальные же – нет.

По совету Чокана, Чингис в эту поездку взял с собой и десятилетнего сына Абилямакыжана. За три года до этого он сильно заболел тифом. В один момент, когда обессилевший от болезни больной мальчик потерял сознание, взрослые, подумав, что он умер, вынесли его в холодное помещение. Через некоторое время заметили, что он жив, и сразу занесли в теплый дом, но холод успел сделать свое дело – Маки стал глухонемым. Чокан посоветовал отцу, что в Петербурге можно устроить его в училище для глухонемых (в стенах этого училища Маки овладел специальностями мастера-ремесленника, художника, чертежника, каллиграфа. Кроме того, он по своей инициативе посещал занятия в Петербургской художественной академии. Возвратившись на родину через одиннадцать лет, он стал известным мастером по изготовлению многих художественных предметов, орнаментов и узоров. Состоял в штате канцелярии Степного генерал-губернаторства в качестве коллежского регистратора и исполнял обязанности делопроизводителя в Атбасарском, Кокшетауском округах, Кокшетауском уезде).

ПОЧЕТНЫЕ ОРДЫНЦЫ В СТОЛИЦЕ ИМПЕРИИ

Ясно, что одним из первых, кому в Омске стало известно о кончине царя Николая I, был адъютант генерал-губернатора Чокан Валиханов. Весть о том, что 18 февраля 1855 года внезапно умер император, а на следующий день его трон занял наследник, тридцатисемилетний Александр II, по-настоящему встревожила омских чиновников. Уход из жизни царя-батюшки в трудную для империи пору породил в головах многих беспокойные вопросы типа «что будет дальше?».

Оно и понятно, в Крымской войне, длившейся вот уже полтора года, положение России было не совсем завидным. В прошлом 1854 году осенью турецкие, английские и французские войска были десантированы в Крым на 300 с лишним кораблях и сразу ринулись в наступление. Русская армия не могла противостоять этой силе и потерпела очень серьезное поражение. Чтобы по-

мешать движению вражеских кораблей, по приказу адмирала Нахимова почти весь русский флот был потоплен в Севастопольском заливе. С того момента моряки остались внутри окруженной крепости и под градом снарядов вели кровопролитные оборонительные бои.

Чокану было хорошо известно, что война развязалась по прямой вине самой России.

Заветную мечту русских императоров с времен Екатерины Второй – вытеснить турков (османлы) из Европы и единолично овладеть всем черноморским регионом – Николай I стремился осуществить при своем правлении. Хотя к тому времени Россия и без этого добила многого. В первые тридцать лет того столетия она благодаря мощи своей вооруженной до зубов армии, несмотря на яростное сопротивление Османской империи и Персидского государства покорила ряд малых владений Кавказа: царства Картли-Кахетии и Имеретии, такие княжества, как Гурия, Мегрелия, Сванетия и Абхазия, ханства Ереван, Гянджа, Карабах, Ширван, Шеки, Талыш и Дагестан. Ликвидировав прежние названия тех владений, где проживали грузины, азербайджанцы, армяне, создала Тифлисскую, Кутаисскую, Шемахинскую, Дербентскую, Эриванскую, Сухумскую губернии. Постоянно поддерживала освободительную борьбу балканских стран, подчиненных туркам. Постепенно претворяя в жизнь такие далеко идущие свои планы, она никогда не оставляла вне внимания задачу дальнейшего ослабления Османской империи, единоличного владения Босфором, захвата Стамбула, чтобы затем активно влиять на политику всего Ближнего Востока.

Казалось, в 1853 году нашелся оптимальный путь реализации этой мечты. Николай I воспринял в этой связи как удобный повод решение Османского правительства отобрать у православных и передать католикам ключи от священного Вифлеемского храма, который считается местом рождения пророка Иисуса в Иерусалиме. По его мнению, утверждение о том, что «растоптаны права православных», явится весомой причиной подъема национального духа, религиозного достоинства русского народа.

Российский царь отправил морского министра, князя А.С. Меншикова с чрезвычайной миссией в Стамбул и через него довел до турецкого султана Абдулماجита ультиматум о необходимости сохранения всех прав православной церкви в Палестине, подвластной Османской империи, а также признания русского императора покровителем всех православных в составе султаната. Разве мог султан принять такое явно высокомерное заявление? Он сразу отказал послу. Этого как раз ждал русский царь. Он срочно бросил в регион Дуная 80-тысячную армию и захватил православные княжества Румынии (Валахии) и Молдовы, подвластные Османской империи. Обе страны объявили друг другу войну. В ноябре того же 1853 года эскадра адмирала П. Нахимова в Синопском сражении на юге Черного моря разбила турецкий флот под командованием Османа паши.

Россия проводила эту кампанию, сопровождая пропагандой, воздействующей на религиозные чувства русского народа, под видом долга оказать помощь братьям по религии, которые якобы подвергались гонениям со стороны Турции. Чокану самому не раз приходилось видеть, как офицеры губернаторского штаба возбужденно читали материалы в «С-Петербургских ведомостях» под рубрикой «Христианское восстание на Востоке», в которых говорилось о гонениях христиан со стороны турков в Османском государстве.

О грубых заявлениях царя Николая типа «среди великих держав только Россия вправе быть хозяином Стамбула и Босфора» Англия и Франция и до этого были наслышаны, поэтому последние хищные действия русской империи серьезно насторожили их. Если русские продолжают в таком же темпе, думали они, то для них реальной становилась угроза нанесения ущерба их давно сформировавшимся интересам на Ближнем Востоке и в Индокитае. Поэтому стоило обратиться Османской империи к ним за помощью, они выразили готовность воевать с ней в союзе против России, тут был еще один повод – как бы защитить интересы католической церкви. И осенью 1854 года в районе Евпатории Крыма высадился экспедиционный корпус, в составе которого имелось 28 тысяч французских, 26 тысяч английских и 7 тысяч турецких воинов. Русские не смогли противостоять их стремительному натиску и были вынуждены отступить. Севастополь оказался в осаде, с тех пор он постоянно обстреливался из пушек союзников, мужественные защитники города гибли в большом количестве. В одном из первых боев на Малахов-кургане погиб адмирал В. Корнилов...

Если в первое время в русском обществе поддались официальной пропаганде, то теперь стали слышаться голоса протеста против проводимой Николаем I военной и политической системы. Поражение следовало за поражением. Тяжелой неудачей обернулось наступление в середине февраля 1855 года, предпринятое генералом С. Хрулевым по возвращению Евпатории. Затем был потерян Севастополь. Мало того, английский флот по Балтийскому морю приблизился к Кронштадту и стал угрожать самому Петербургу.

Конечно, годом раньше никто не мог думать, что Россия, намеревавшаяся захватить Босфор и свободно господствовать на Средиземном море, дойдет до такого жалкого состояния.

Впоследствии лучший друг Чокана, знаменитый ученый Г. Потанин писал в своих воспоминаниях, что смерть царя в такое трудное время привела в неопишное уныние даже рядовых военных, служивших в далекой глуши империи – в казахских степях. «Я и мои товарищи были в отчаянии: война, а мы лишились вождя, а в этом вожде мы воплощали всю силу, все могущество России; нам казалось, что молодой государь не справится с задачей и что теперь само небо обрушится на Россию. За этим ударом следовал другой – падение Севастополя, отчаяние еще усилилось; купцы и приказчики в Семипалатинске, где я в это время жил, читавшие газеты, сидя у своих лавок в гостином дворе, плакали; мы, молодые, сочли положение отечества безнадежным; мы думали, что теперь союзники свободно пронесутся до Москвы и государство будет раздроблено», – писал он.

Генералы газфортовской канцелярии вспоминали, что бывший губернатор Западной Сибири Петр Дмитриевич Горчаков с 1851 года служил в Крыму в подчинении тамошнего главнокомандующего русской армией князя А.С. Меншикова. Гадали, что новый царь может заменить их обоих, а кого же он назначит главнокомандующим? Родной брат Горчакова – Михаил Дмитриевич Горчаков – тоже прославленный генерал, сейчас является командующим русской армией на Дунае. Военное положение России там выглядит неплохо. Поэтому, может, он займет место Меншикова... В подобных прогнозах канцелярия гудела как пчелиный рой.

В спешном донесении о кончине царя Николая I говорилось, что император во время осмотра войск на Манежной площади сильно простудился и вскоре

умер от обострения этой болезни. Однако вслед за этим среди генералитета вокруг Гасфорта мгновенно распространился слух о том, что вообще-то здоровье императора пошатнулось еще лет десять назад, оно совсем ухудшилось в результате поражений в Крымской войне, когда он впал в сильную депрессию, а все закончилось тем, что он от отчаяния отравился. Появилась и другая версия, что его отравил личный врач, лейб-лекарь немец Мандт...

Пока сплетни меняли друг друга, в скором времени на имя Гасфорта поступило распоряжение из Министерства внутренних дел о том, что для участия в похоронах императора и в выражении верности его наследнику Александру II из казахских округов тоже приглашаются представители, что они должны быстро прибыть в Петербург.

Начало марта. В том году зима выдалась очень морозной, и холодное веяние еще не отступало. Несмотря на то, что все дороги еще были скованы толстым слоем слежавшегося снега, в округа направились посыльные. «Каждый старший султан по поводу указанных мероприятий должен срочно прибыть вместе с одним человеком, которого он считает достойным, для поездки в Петербург...».

Обычно в холодную пору мало кто из власть имущих любит отправляться куда-нибудь в поездку. Но тут был другой случай, ведь не всегда удается попасть в царский дворец. Поэтому почетные ордынцы, получившие приглашение из Омска, стали быстро готовиться в дорогу. Возглавить депутацию, разумеется, решили поручить советнику областного управления Чингису Валиханову.

Чингис поехал в Кокшетау за Маки и через несколько дней вернулся, взяв с собой еще есенбай-караульского волостного управителя, семидесятилетнего уважаемого аксакала Чубека Байсарина, который в это время зимовал в Косколе недалеко от Сырымбета. Вскоре прибыл из Баянаула старший султан Муса Шорманов вместе с джангозы-айдабульским волостным управителем, много лет занимавшим должность заседателя округа, Секербаем Малгельдином. Старший султан Акмолы прапорщик Ибрагим Жаикбаев привез сразу двух человек, один из них – сын бывшего старшего султана, полковника Конуркульджи Кудаймендина тридцатипятилетний Бегалы, несколько лет проработавший волостным управителем, второй – альке-байдалинский волостной управитель Аккошкар Кишкентаев, который был лет на десять старше Бегалы.

В список депутации из Каркаралинского округа вошел лишь один человек – прославленный кюйши-композитор пятидесятилетний Таттымбет бий, который более десяти лет возглавлял нурбике-шаншарскую волость и год назад ушел с этой должности по собственному желанию. В списке не было Каркаралинского старшего султана Тулека Турсунова (сын первого главы Каркаралинского округа Турсуна Чингисова, внук хана Среднего жуза Букея). Неизвестно, то ли он не смог добраться до Омска своевременно, то ли не захотел поехать, то ли что-то другое помешало...

Также видно, что в список не попал никто из Кушмурунского округа. Тогда там старшим султаном был Есеней Естемесов. Долгие годы он метил на место Чингиса и на выборах в начале 1853 года сумел набрать голосов больше, чем тот, и стал главой округа. *(Оставшись без должности, Чингис переехал в Сырымбет, и лишь через полтора года, в начале августа 1854 года был утвержден советником областного управления сибирских казахов. Этому способствовал полковник К.Г. Гутковский, который был назначен начальником областного управления*

сибирских казахов, созданного в связи с ликвидацией пограничного управления сибирских казахов и разделением его территории на две области – Сибирских казахов и Семипалатинскую). Когда в канцелярии генерал-губернатора готовили петербургскую депутацию, с одной стороны, вполне возможно, что из-за грозного, страшного лица Есенея – последствия оспы – не хотели показывать его в царском дворе, с другой стороны, видимо, сам советник управления Чингис не совсем желал включения нового старшего султана Кушмуруна видеть в своем кругу, так как в последнее время был с ним в холодных отношениях. Как бы то ни было, Есенея в списке не значится.

Времени на сборы было мало. После того, как съехались все казахские бии и султаны, Гасфорт провел с ними совещание, разъяснил цель поездки, затем сам немедленно выехал в столицу.

Приставом депутации был определен давно знакомый всем чиновник, штатный переводчик областного управления, титулярный советник В.И. Дабшинский. Это он лет семь-восемь назад служил заседателем Чингиса в Кушмуруне, затем приехал в Омск вместе с ним, когда тот хотел отдать сына Чокана в кадетский корпус, и устроил их в своем доме. После этого он служил заседателем старших султанов Каркаралинского округа Кунанбая Ускенбаева и Тулека Турсунова, а также некоторое время – у старшего султана Баянаульского округа Мусы Шорманова.

В программе, врученной Дабшинскому, было написано, что депутация казахов Среднего жуза должна добраться на подводах до Москвы через Тюмень, Екатеринбург, Пермь, Казань, Нижний Новгород, а оттуда на поезде – в Петербург.

Они выехали во второй половине марта, когда значительно потеплело. При выезде из Омска зимняя дорога уже сделалась мягче, а к обеду колея от санных полозьев местами вовсе стала проседать. Когда пересекли Уральские горы, дорога совсем раскисла, поэтому пришлось пересесть на кареты. Мерзлая до обеда земля после обеда превращалась в болото, нередко это мучительное движение по слякоти усугубляли проливные дожди, но все же путники хоть медленно, но постепенно приближались к Белокаменному граду, оставляя позади, между пикетами тысячи полосатых километровых столбцов-указателей.

Знатные вельможи Среднего жуза никогда раньше не испытывали такую мучительную езду. Редкие поездки в Омск по сравнению с этой казались детской забавой. Там хоть по дороге приходится часто останавливаться в том или ином ауле, где всегда ожидало обильное угощение из свежей баранины или конины, ароматного кумыса. А эта поездка была совершенно другого характера. Останавливаясь на промежуточных станциях, они питались в основном мясом, которое сварили еще в Омске и взяли с собой, запивая чаем из самовара. Да и комнаты на этих станциях не отличались особым уютом, по ночам не давали спать клопы. В карете спать тоже невозможно – холодно. Иногда приходилось задерживаться на станциях из-за отсутствия сменных лошадей.

Таким образом они через семнадцать или восемнадцать дней, наконец, добрались до Москвы. Приставу Дабшинскому пришлось изрядно побегать и понервничать, пока не приобрел билеты на поезд, который вот уже третий год курсировал между Москвой и Петербургом.

Казахов в неопишное изумление привел именно этот вид транспорта. Сначала они с опаской сели в одну из огромных, сцепленных между собой, карет величиной

с дом каждая, затем, когда поезд, тронувшись, стал набирать скорость, их привело в не менее изумленное состояние движение состава. «Да, любой быстроногий скакун не может сравниться с этой отарбой (буквально, «огненная арба»), конечно, он может некоторое время бежать рядом, но все равно долго не выдержал бы», говорили одни. «А как удобно внутри, хочешь спать – распологайся, хочешь кушать – садись и ешь! Прелесть!», думали другие. В Петербург депутация приехала вечером следующего дня. Вышла на Николаевском вокзале.

Устроив членов депутации в гостинице, Дабшинский встретился с Гасфортом, прибывшим за несколько дней до них, и доложил, что султаны и бии уже в Петербурге. Затем сообщил в департамент общих дел Министерства внутренних дел, который занимался этим вопросом. Директор департамента собрал всех прибывших из Омска и завел их на прием к министру внутренних дел генерал-адъютанту П.А. Валуеву.

Генерал-адъютант познакомился с представителями казахов Среднего жуза, обратил внимание на их широкую, теплую одежду и посветовал предстать перед царем в более легкой, удобной одежде. Конкретизировал, кто будет выражать от имени депутации соболезнование императору по поводу кончины отца и слова преданности ему самому. Гасфорт подчеркнул, что эта миссия поручена советнику областного управления полковнику Чингису Валиханову, что текст его выступления подготовлен и переведен.

В тот же день министр внутренних дел Валуев в свою очередь доложил императору о прибытии в Петербург депутации сибирских казахов и о возможности включения их в список для приема 23 марта (5 апреля). Получив согласие императора, Валуев написал отношение министру императорского двора. *«Государь император, по всеподданнейшему докладу моему о прибытии в С.-Петербург депутатов, избранных от казахов Средней орды для принесения чувств верно-подданнической преданности, высочайше повелеть соизволил, чтобы означенные депутаты представились его императорскому величеству в среду, 23 марта, после обедни.*

О таковой высочайшей воле сообщая вашему сиятельству и препровождая список прибывшим сюда казахов, считаю долгом присовокупить, что приставом при них состоит переводчик областного правления сибирских казахов титулярный советник Дабшинский».

Аудиенция состоялась в Зимнем дворце. Не только представителей Среднего жуза, но и другие депутации со всех концов империи царь по мере их прибывания принимал здесь.

Султанов и биев провели по огромным, торжественно убраным залам Зимнего дворца. Впервые увидевшие такое богатство и красоту и не скрывавшие своего восхищения, они думали, что даже сказочные ханские орды вряд ли могут сравниться с подобной обстановкой. Вокруг все сверкало и блестело, картины не только на стенах, но и на потолке, множество мраморных изваяний, изысканная, редкой красоты мебель. «Да, как велика эта страна, имеющая такие дворцы, такое изобилие богатства, как могущественна царская династия, правящая этой огромной страной». Аура великолепия дворцового интерьера невольно навлекала на такие мысли каждого, кто находился здесь в данный момент.

Депутатов поставили в ряд в середине большого, сияющего белизной, зала. Кругом высокие мраморные колонны, красивые большие вазы, с потолка сви-

сают массивные люстры. Впереди располагался целый ряд важных генералов с лентами, золотыми эполетами. Среди них Гасфорт, который казался для казахов эталоном могущества, выглядел как бы совсем рядовым чиновником. Вскоре все обратили внимание на направлявшегося в их сторону светлого человека с аккуратными усами и бородкой. Стоявший рядом Дабшинский шепотом сказал, что идет император. Это и был Александр II. Казахи, словно по команде, приложив руки к груди, сделали низкий поклон. Когда рослый, широколобый, с также аккуратной прической царь остановился напротив них, Валуев доложил, что это депутация киргиз-кайсаков Средней орды. Затем слово взял сам Гасфорт и представил каждого делегата. Закончив, он кивнул Чингису Валиханову приступить к своему выступлению.

Как и его спутники, до сих пор не веря всему происходящему и находясь в некоторой растерянности, Чингис, несколько запинаясь, начал произносить по-казахски уже заученный за последние дни текст. Но уже через миг, освоившись, уверенно, с нескрываемым пафосом выразил слова посвящения: «Ваше императорское величество, благороднейший государь наш, прибывшие старшие султаны и бии казахского Среднего жуза, преклоняя колени перед вашим сиятельством, испытывая огромную горечь и печаль, выражают соболезнование по поводу кончины вашего отца, великого повелителя нашего. Пусть земля будет ему пухом... Мы также беспредельны счастливы, что имеем возможность видеть ваш светлый лик... Проезжая по огромной территории империи, чтобы склонить головы перед вашим троном, мы стали свидетелями, как многочисленный народ восхваляет ваше светлое имя. Мы еще раз испытали непередаваемое чувство от сознания того, какое счастье быть в числе ваших подданных, наш благородный белый царь...»

Хоть и не понимал по-казахски, но царь выслушал до конца и попросил дать ему перевод. Дабшинский быстро сделал шаг вперед и четко повторил заранее подготовленный перевод прозвучавшего выступления.

Император поблагодарил знатных людей казахов Среднего жуза за то, что они несмотря на огромное расстояние прибыли выразить свое соболезнование по усопшему императору, а также верноподданическую преданность ему; коротко добавил, что Россия всегда будет заботиться о краях, входящих в ее состав, что ее могущество будет еще больше усиливаться благодаря поддержке таких верных людей на местах. Затем поручил министру внутренних дел организовать для гостей хорошую экскурсию по Зимнему дворцу и чаепитие, и направился к выходу...

Другие залы дворца по красоте не уступали друг другу. В зале военной галереи на стенах висели портреты более трехсот полководцев и генералов, участвовавших в победоносной войне с французским императором Наполеоном в 1812-14 годах. Особенно крупными были портреты царя Александра I и главнокомандующего Кутузова. Примерно такой же величины был и портрет Барклая-де-Толли, о котором их начальник Гасфорт всегда любил горделиво говорить – «полководец армии, в которой служил я».

Было само собой понятно, что этот день встречи с белым царем для степных султанов и биев еще долгое время был самым приятным воспоминанием, желанной темой, к которой они возвращались часто. Еще бы, одно дело – слышать от тех, кто бывал в Петербурге до тебя, совсем другое – посетить самому

и видеть все своими глазами. Впечатлений, конечно, было очень много. После этого многие из них любили вставлять в свой разговор словосочетания типа «в том году, когда мы встречались с белым царем, когда мы ездили в Петербург, когда мы путешествовали на поезде...» и т.д. В народе еще долго повторяли слова Мусы Шорманова: «Тот, кто не видел Петербург, зря говорит, что пришел в этот мир и видел этот мир».

Одной из главных задач Чингиса после встречи с царем было устройство сына Маки в специальную школу. Его заявление по этому поводу, подписанное в ряде инстанций, наконец, попало на стол председателя Сибирского комитета князя А. Чернышева. Но, оказывается, и он не решает окончательно такой вопрос, нужно поставить в известность царя. Теперь от имени Чернышева ушло заявление на имя царя: «Старший из членов прибывшей в С.-Петербург делегации от казахов Средней орды советник областного правления сибирских казахов подполковник султан Чингис Валиханов привез сюда сына своего Абул-Макаджана, 10 лет от рождения, и просит определить его в училище глухонемых для воспитания на счет казны. Всеподданнейше докладывая вашему императорскому величеству о таковой просьбе подполковника Валиханова, я имею счастье испрашивать всемилостивейшее разрешение, не благоугодно ли будет повелеть сообщить осем статс-секретарю Гофману, с тем, чтобы представил вашему величеству сведения: может ли малолетний Валиханов быть помещен в училище глухонемых в комплект, определенный штатом сего заведения; если же все штатные вакансии там заняты, то испросил бы соизволения вашего императорского величества на принятие означенного мальчика в училище для воспитания на счет казны до открытия штатной вакансии. Вместе с тем, имея в виду, что у султана Валиханова нет в С.-Петербурге ни родственников, ни знакомых, я имею счастье испрашивать высочайшее разрешение: попечение о его сыне, когда он поступит в училище глухонемых, возложить на управляющего делами Сибирского комитета...»

Таким образом и этот вопрос был решен. Маки приняли в упомянутое училище, расположенное на улице Гороховой. Мальчика туда отвели Чингис и Муса. Ничего не понимавший Маки смотрел то на отца, то на дядю. Но будто чувствовал, что произойдет что-то необычное и готов был расплакаться. Чингису тоже было нелегко оставлять глухонемого сына одного в этом далеком, чужом городе. Через некоторое время плачущего мальчика несмотря на его сопротивление увели воспитатели училища. Как бы тяжело не было на душе, Чингис смирился с вынужденной жизненной необходимостью. Уже в карете Муса как мог стал утешать зятя: «Не расстраивайтесь, вот он получит хорошее русское образование и станет мастером своего дела, тогда будете гордиться сыном. Чокан тоже понимал, когда советовал вам отдать его в это учебное заведение. Как бы то ни было, это очень правильное решение. Когда выдастся возможность бывать в Петербурге, непременно будем навещать его, да и Чокан не будет забывать его...»

Его слова сбылись. Летом следующего года старшему султану Баянаульского округа Мусе Шорманову вновь удалось съездить в Петербург. В этот раз он был включен в состав делегации Среднего жуза для участия в торжествах по случаю коронации царя Александра II 26 августа (8 сентября) 1856 года. Хотя

сам ритуал коронации состоялся в Успенском соборе московского Кремля, основные мероприятия торжества проходили в Петербурге. Согласно архивным сведениям, в этот раз вместе с Мусой были те же спутники, что и в прошлый раз, Ибрагим Жаикбаев и Аккошкар Кишкентаев из Акмолинского округа, Таттымбет Казангапов из Каркаралинска.

В составе делегации Чингиса Валиханова нет. В его биографическом формуляре 1863 года есть сведения о его поездке в Петербург в 1855 году, награждении тогда его орденом святого Станислава второй степени и присвоении ему звания полковника. Но несмотря на все это, хотя он продолжал работать советником областного управления сибирских казахов, в этот раз он не участвовал в поездке.

Может, ему и не хотелось особо повторить тот нелегкий многодневный путь, но даже ради того, чтобы увидеть сына Маки, казалось бы, он должен был бы поехать в Петербург. Может, повлияло и то, что в это время в далеком путешествии находился Чокан? С самой весны его не было в Омске. Он еще первыми теплыми днями отправился в Жетысу, чтобы впоследствии попасть в состав специальной научно-военной экспедиции, направляемой в регион Иссыккуля. Закончив эту миссию, Чокан отправился в сторону Кульджи для выполнения возложенных на него очередных переговорных дел. Сейчас он там. В связи с этим, видимо, Чингис не хотел сам отправляться в дальнюю дорогу. А так, при желании, он вполне мог бы войти в состав делегации.

Поскольку сам не мог поехать в Петербург, он наверняка дал поручение шурина Мусе обязательно заехать в Петербурге в школу Маки, узнать, как у него идут дела.

Старший султан Баянаула вернулся с коронации императора весьма довольный. Хотя только в прошлом году он получил звание есаула, в ходе этих торжественных мероприятий ему досрочно присвоили майора. Кроме того, его наградили специально учрежденной в честь войны 1853-1856 годов медалью и золотым перстнем с жемчугом. И конечно принес радостную весть, которой с нетерпением ждали зять Чингис и старшая сестра Зейнеп. Он рассказал им о своей встрече с Маки, который очень обрадовался приезду дяди, за год пребывания в столице заметно возмужал, хорошо освоил русскую грамоту и методику изъяснения жестах, мимикой. Увлекается рисованием, учителя хвалят его за примерное поведение, особенные способности...

В Петербурге не остались без внимания и спутники Мусы. Ибрагиму Жаикбаеву было присвоено звание есаула, Аккошкару Кишкентаеву – хорунжего, Таттымбету Казангапову – сотника, всех наградили серебряной медалью «За усердие» с изображением императора Александра II на Аннинской ленте. Особый авторитет был завоеван Таттымбетом, который среди талантов, собравшихся отовсюду, участвовал в концерте, посвященном торжественному случаю, и удивил всех гостей игрой на домбре, волшебными звуками казахского кюя.

(Долгое путешествие знатных людей казахов Среднего жуза в Петербург и многомесячное пребывание в стольном граде еще больше сблизили членов делегации, которые и без этого являлись родственниками, давними приятелями, сватами друг с другом. После этой поездки Чингис выдал свою дочь Бадигулжамал, которая была на четыре года младше Чокана, замуж за Абылая, младшего брата Бегалы Конуркульджина, ездившего вместе с ним Петербург. То есть,

стал сватом прославленного Конуркульджи – правнука хана Самеке, много лет являвшегося старшим султаном Акмолинского округа, с 1836 года имеющего дворянское звание. После той поездки стали родственниками и Таттымбет и Муса Шорманов – вскоре Мусатай Таттымбетулы женился на Шамсикумар Мусақызы. Спустя лет десять дочь самого Чингиса Нурида вышла замуж за сына Мусы Садвакаса. Позднее сноха Конуркульджи Бадигулжамал своего сына Жакиша женила на дочери своего младшего брата Мақы Асме...)

В ДОЛИНЕ КАРАТАЛА И ИЛИ

После возвращения в 1855 году из петербургской поездки генерал-губернатор Западной Сибири и командир Отдельного Сибирского корпуса Г.Х. Гасфорт выехал в Семипалатинскую область, которая раньше была в составе подвластного ему региона, а год назад стала самостоятельной.

В июне 1854 года Пограничное управление сибирских казахов было упразднено и вместо него введена система управления этим огромным казахским краем в составе России, разделив его на две части, которые стали называться *Область сибирских казахов* и *Семипалатинская область*. В область сибирских казахов вошли Кушмурунский, Кокшетауский, Каркаралинский, Баянаульский, Акмолинский и Атбасарский округа, а в новую Семипалатинскую область – Внутренний, Аягузский, Кокпектинский, Капальский, Алатауский округа. Военным губернатором Области сибирских казахов был назначен немец эстляндского происхождения генерал-майор Густав Карлович Фридрихис, Семипалатинской области – полковник Петр Михайлович Спиридонов, работавший до этого начальником Пограничного управления сибирских казахов.

Поездка генерал-губернатора Западной Сибири была предпринята в соответствии с утвержденным еще Сперанским уставом, по положению которого губернатор или кто-нибудь из его высокопоставленных помощников ежегодно должен был побывать в подведомственном регионе и проводить соответствующую ревизию. Именно в эти моменты местные военные руководители и правители-казахи лезли из кожи, чтобы с самой лучшей стороны показать свои участки работы и показаться самим. Обычно в ходе таких поездок рассматриваются и заявления, жалобы людей на местах.

Нынешняя поездка имела еще одну особенность. Судя по оперативным сведениям, поступающим в последние месяцы из Жетысу, кокандцы стали переходить к опасным действиям. Они намеревались напасть на Алматинское, Капальское укрепления.

Поэтому Гасфорт задумал сначала посетить Жетысу, чтобы, с одной стороны, остудить своим появлением горячие головы кокандцев, и затем на обратном пути побывать в Семипалатинске. Его сопровождала большая свита из чиновников и вооруженных воинов, куда он включил и адъютанта по особым поручениям Чокана.

Процессия генерал-губернатора, следуя из Омска по левому берегу Иртыша, через Баянаул и Каракаралинск вышла на Абыралинские горы, затем по восточному подножию Чингистауских гор добралась до Аягуза, далее направилась в Капал и Алматы.

В этот раз Чокан впервые увидел Алматинскую крепость, основанную только в прошлом году на равнине Уш Алматы. Правда, он и раньше заочно хорошо был знаком с положением этой крепости, возведенной в целях покорения Российской империей региона южнее реки Или. Среди множества документов Омского архива он видел приказ Гасфорта об основании этой крепости, ознакомился с рядом докладных записок пристава Старшего жуза, командира отряда, выступившего из Капала, майора М.Д. Перемышльского. В них говорилось, что летом 1853 года отряд в составе роты солдат и двух казачьих сотен перебрался на левый берег Или, чтобы найти соответствующее место для будущей крепости. Из этих документов Чокану стало известно, что в данном отряде служил его друг по кадетскому корпусу, хорунжий Григорий Потанин.

Он помнил строки из докладной, адресованной Перемышльским в Омск. «Осмотрев с инженер-поручиком Александровским первые и вторые Алматы и долины между ними, мы нашли их по удобству добывания леса, большому количеству прекрасной, перерванной арыками хлебопахотной земли, пажитей и сенокосных мест далеко превосходящими урочища на Иссыке и Талгаре, почему и предложили Алматы местом будущего поселения», – говорилось в ней.

Перемышльский был одним из активных проводников царской колонизаторской политики, вместе с тем – очень грамотным офицером, он учился в Московском университете вместе с Лермонтовым, даже в этом далеком краю выписывал журнал «Современник»; видимо, не случайно, что он называет поселение, появившееся в долине, прозванной местным народом Уш Алматы (Три Алматы). По его мнению, это название, являвшееся как бы свидетельством древности традиционного поселения кочевых и полукочевых племен, населявших этот край с доисторических времен, нельзя менять. Причем писал так, как оно звучало по-казахски – «Алматы». Но империя, рьяно проводившая колониальную политику, распорядилась назвать новую крепость на самом южном рубеже России «Верный» – *«в верный знак победы христиан над мусульманами»*.

Но несмотря на это многие исследователи того времени не перешагивали через истину и в своих произведениях долгое время продолжали писать «Алматы». Так же написано и в воспоминаниях знаменитых географов Потанина и Венюкова. Чокан тоже углублялся в историю города и писал о нем в своих «Очерках Джунгарии»: «...Алматы был известен по своей торговле и служил станцией на большой дороге, по которой ходили генуэзские купцы в Китай и кипчаковские послы к великому хану». А в «Географическом очерке Заилийского края», написанном после посещения Алматы вместе с Гасфортом в 1855 году, он подчеркивает: «вливаются в Или следующие реки... Каскелен с притоками справа Большая, Малая и Средняя Алматы (Яблонная)...». В исторических источниках Коканда XVIII-XIX веков (например, «Тарих-и-Шахрухи») и в книге сына Кенесары хана Ахмета «Кенесары султан и Сыздык» эта долина также называется «Уш Алматы». В ойратских, китайских и маньчжурских сведениях семнадцатого века она напрямую переводится с казахского и пишется «Гурван Алматы» (три Алматы)...

Отряд пристава Старшего жуза Перемышльского морозную зиму 1853-1854 годов провел во временном укреплении, где Талгар впадает в Или, затем с наступлением весны прибыл на берегу Средней Алматы и поставил свои шатры и юрты. Оттуда члены отряда каждый день направлялись в горные ущелья на заготовку еловых бревен для строительства укрепления.

(После того, как инженер Александровский конкретно определил место строительства новой крепости на левом берегу Малой Алматы, вбил колышки в землю, солдаты перебрались на новое место и приступили к возведению крепости. А их *весенняя* временная стоянка на берегу Средней Алматы с тех пор в русских сведениях стала называться Весновкой. Казахи в силу особенностей своего языка стали именовать ее Есентай («веснов» по звучанию превратилось в «есен», русское уменьшительное «ка» – соответственно в казахское уменьшительное «тай»). Таким образом, гидроним «Орта Алматы» (Средняя Алматы), как называли реку и местные казахи, а также упоминаемый в трудах Чокана и других его современников-исследователей, был предан забвению).

Алматинская крепость, окруженная высоким земляным валом и огороженная забором из заостренных бревен, к моменту приезда сюда Чокана вместе с генерал-губернатором стала набирать строительные обороты. Уже были возведены внутри крепости две казармы, дом подполковника Перемышльского, дом офицеров, кузня, склад, гауптвахта и т. д. По берегу реки Малая Алматы в один ряд стояли также юрты для холостых казаков, закупленные в близлежащих аулах.

Чокан был в курсе истории, как Жетысу с начала того века оказывался в подчинении других народов. Известно, что этот регион, бывший в свое время частью некогда мощной Казахской Орды в эпоху его славного прадеда Абылая, впоследствии во времена слабых ханов Кокандское ханство подчинило себе, построило здесь несколько своих укреплений. С помощью вооруженных войск, содержащихся в этих крепостях, оно собирало всевозможные дани, зекет и кушур, как и с южных казахов, проживающих в районах Ташкента, Каратау. При этом зачастую прибегало к насилиям. В таких случаях не выдерживали и местные казахи, оказывали сопротивление, шли даже на вооруженные столкновения.

Первоначально правители Старшего жуза предпочитали быть в подданстве соседнего, единоверного Коканда, чем Младший и Средний жузы, которые подчинялись чужезерным русским, но когда зачастились подобные случаи, и среди них были такие, которые поддавались пропаганде перейти под российское крыло. На плодородные, живописные земли Жетысу и долины Сырдарьи с обилием воды и пастбищ, по которым проходили торговые пути чуть ли не со всех концов света, кроме Коканда зарились и Бухара и Хива. Они только и ждали удобного момента, чтобы разтерзать этот край, из-за него даже конфликтовали между собой. С востока на него хищно посматривает и Китай, который никак не хотел потерять налоги и подати, поступающие с торговли вдоль Шелкового пути, с казахских, кыргызских аулов, расположенных по соседству с Синьцзяном, превращенным в свою собственность после уничтожения Джунгарского ханства. То есть, все хотели завладеть Жетысу и южными краями.

А интересы царской России лежали еще глубже и дальше. Поэтому ее действия были направлены на то, чтобы южные ханства не оказались под влиянием англичан, чтобы быстрее захватить, покорить эти края. Один из путей достижения этой цели проходил через Жетысу и Каратау.

Чокан знал, что в свое время Абылай хан поручил управление родами Старшего жуза сыновьям Адилю и Сюку. Адиль – родной брат его деда Вали. Отец Чингис говорил, что матерью обоих была каракалпачка Сайман. Когда подвластные Адилю роды дулат и шанышкылы в результате постоянных войн между Кокандским

ханством и Ташкентским беком подвергались грабежам, гибли, он в начале XIX века даже был вынужден вместе с 10 тысячами очагов откочевать в Китай. В свое время он по поручению Абылай хана возглавлял посольство в эту страну, пребывал во дворце Еженхана в качестве заложника, со стороны императора Цинского государства ему было пожаловано звание «ван», что давало право наследовать власть от своего отца, поэтому он, видимо, считал, что там у него будет спокойная жизнь. Однако эта надежда не оправдалась. Поэтому он в 1814 году перекочевал обратно и отправил своего сына Нуралы (отец будущего старшего султана) с соответствующими дарами к кокандскому Омар хану, находившемуся в районе Ташкента. В письме-свитке он писал о своем возвращении вместе со всем народом из среды неверных и теперь хотел бы провести остаток жизни под властью ислама, быть подданным светлейшего Омар хана. Разве мог кокандский двор отказаться от добровольного вхождения другого народа под свое крыло? Омар хан со всеми почестями принял Нуралы и вручил ему ханскую грамоту о принятии улуса Адиль султана в свое подданство.

После смерти Адилья в 1815 году претендентом на верховную власть в Старшем жузе являлся Сюк султан, рожденный от жены Абылай хана Токты из рода атыгай-караул, которого отец назначил правителем всех родов, населявших долину между Караталом и Или. В исторических документах говорится, что правитель жалаириков Сюк не пожелал подчиниться Коканду, который стал теснить Жетысу, а посчитал, что лучше быть подданным России. Тут сыграла роль и пропагандистская работа царских чиновников о том, что они в два с половиной раза будут меньше брать налог на скот – зекет, что им самим дадут право управлять своими делами. Поверив этим посулам, думая быть вместе с потомками Абылая в Среднем жузе, вошедшими в состав России, он в 1818 году написал прошение царю о принятии в российское подданство. На следующий год вместе с 55 тысячами сородичей присягнул на верность. Таким образом он, убежав от волосяного ярма, добровольно засунул свою голову в железное ярмо. Выбор старшего по возрасту султана в 1822 году поддержали еще четырнадцать султанов. Они также вместе со своими подвластными 165 тысячами мужчин подали прошение о принятии русского подданства.

Все же такие события, имевшие место в последующие годы, как русско-турецкая война, долгосрочные боевые столкновения с имаматом Шамиля на Кавказе, национально-освободительное движение Кенесары хана, не дававшее покоя Омской и Оренбургской администрациям, вынужденное уклонение от противостояния с Кокандским ханством, которое считало всех мусульман казахской степи своими подданными, не совсем доброжелательное отношение на востоке со стороны Китая – все это несколько затормозило проникновение царской России в Жетысу.

В эти годы Коканд тоже не бездействовал. Он построил на побережье Чу Бишкекскую, Токмакскую, Меркенскую крепости. Приблизился к левому берегу Или и также возвел укрепление. Время от времени не переставал нападать на казахов Старшего жуза, забирая зекет (ежегодное налогообложение мусульман налогом со скота) и хараж (налогообложение с пашни).

Царскую администрацию беспокоило одно сомнение – не поддержат ли роды Старшего жуза мятежного Кенесары хана, когда тот придет в Жетысу. Ибо было понятно, что Сюк султан и сыновья Адилья были, как и Кенесары, потомками

Абылай, и если они из родственных побуждений переметнутся на его сторону, то ситуация приняла бы серьезный оборот. Все же на перевес чаши весов в сторону русских повлияло то, что за год до этого Российская империя успела удовлетворить просьбу правителя жалаириков Суюк султана, дулатов – Али Адилова, главы албанов Хакима Куланова (внук Адила), предводителя шапырашты Толека Адилова, султана суанов Адамсарта Ибакова защитить от нападений кокандских войск и принять их предложение о строительстве в долине Каратала крепости а также раздать им соответствующие должности и поощрения, установить соответствующие жалованья. Отдельные батыры и бии, подвластные им роды, не желавшие надеть ярмо зависимости, переходили на сторону Кенесары, а в это время такие предводители, как названные выше, летом 1846 года по приглашению областного пограничного начальника сибирских казахов, генерал-майора Н.Ф. Вишневого участвовали в съезде биев и султанов Старшего жуза, а также глав Каркаралинского, Аягузского, Кокпектинского округов Среднего жуза, прошедшем в районе верхнего течения Лепсы, на котором приняли решение наотрез разорвать с Кенесары всякие отношения.

Чокан был хорошо знаком с документами относительно этого съезда в архиве пограничного управления сибирских казахов. Перебирая эти бумаги, он с интересом рассматривал сведения о своих родственниках по линии Абылай. Грозный прадед обращался за помощью к русским для защиты от ойратского нашествия. К сожалению, впоследствии это привело к открытию округов, массовому строительству крепостей в казахской степи, против чего выступил Кенесары. Видя все это, потомки хана в Старшем жузе тем не менее просили строить такие крепости в их крае, якобы в целях защиты от Коканда. А ведь от нашествия кокандцев народ мог бы защитить и сам Кенесары. Потомкам Абылай хана не хватило взаимопонимания, они даже не задумывались о создании самостоятельного ханства. Хотя Российскую империю это не остановило бы, она проглотила бы целиком и его. Из тех документов он узнал, что в Лепсинском съезде наряду с правителями Старшего жуза участвовали и старший султан Каркаралинского округа Среднего жуза, внук Бокей хана, майор Кусбек Таукин, глава волости кучук-тобыкты, хорунжий Кунанбай Ускенбаев, старший султан Аягузского округа, потомок Кошек хана Булен Санкаев, потомки Абилямбет хана Бексултан Агадаев и Барак Солтыбаев и другие.

В бумагах также было зафиксировано, что вслед за съездом, осенью 1846 года, на берегу реки Копалы, протекающей по густо заросшим травой ущельям Жетысуйского Алатау, была обоснована новая крепость. А место для нее было определено еще два года назад хорунжим С. Абакумовым, который был здесь во главе направленной из Аягуза сотни с шестью пушками. Однако уже в первую же зиму стало ясно, что место это было выбрано неудачно – крепость, построенная в глубокой горной теснине, в сильные бураны полностью заносило снегом. Поэтому в следующем 1847 году, сразу же с весны, крепость перенесли на равнинную местность. Для ведения этих строительных работ с внутренних районов страны были переселены крестьяне.

Капальская крепость с тех пор превратилась в основной опорный пункт колонизации Жетысу. Пристав (начальник) Старшего жуза располагался здесь. Она стала центром округа. Все военные походы, направленные против казахов Каратала, Или и соседних с ними кыргызов, начинались отсюда.

(Первоначально название крепости, основанной на берегу реки Копалы, в документах тех времен выглядело по традиционному звучанию как «Копал», «Копальск», но в силу закономерности звучания гласных звуков в русском языке постепенно превратилось в «Капал», таким образом, перешло и в казахский язык, вошло в привычку и говорить, и писать «Капал». А вообще, исконно должно быть «Копалы». — *авт.*)

О первоначальном состоянии Капала Чокан услышал от своего учителя по кадетскому корпусу К.К. Гутковского. Опытный офицер, бывший адъютант генерал-губернатора Западной Сибири П.Д. Горчакова, заместитель Семипалатинского военного губернатора капитан Гутковский в 1850 году прибыл сюда и заменил первого пристава Капала, майора барона И.Д. Врангеля по состоянию его здоровья.

Именно этот наставник впервые рассказал Чокану о том, как была захвачена и разрушена казахская крепость Алмалы (в русских документах Тойчибек), расположенная в месте слияния рек Аксай и Карасу, что в долине Уш Алматы. Позже, работая в Омском архиве, он убедился, что сведений об этих событиях хватает и здесь.

Кокандское ханство, возмущенное захватом подданных ему казахов Старшего жуза и строительством Капальской крепости, по просьбе авторитетного казахского бия Тойчибек батыра, предводителя родов дулат, шапырашты на левом берегу Или, весной 1850 года направило войско в крепость Алмалы. Усилив свое войско за счет казахских сарбазов Жетысу и кокандских воинов, Тойчибек намеревался перейти на правый берег Или, напасть на Капал и дать отпор врагу, который постепенно углублялся в территорию Старшего жуза...

Хотя в этот период трон Кокандского ханства (1710–1876), созданного в свое время известным из истории вождем тюркского племени *минг* Шахрух бием, занимал Худояр хан, фактическая власть находилась в руках мынбасы (тысячника)¹ Мусулманкула из рода куланкипчак. В первой четверти XVIII века, в период «актабан шубырынды» – лихой години джунгарского нашествия, он был среди казахского кипчакского рода, бежавшего до Ферганы, благодаря своим способностям стал хакимом Андижана. Степные кипчаки слились здесь с оседлыми кипчаками и превратились в многочисленный народ. Вождь куланкипчаков Мусулманкул оказался среди правящей элиты в период правления отца Худояра Шерали хана, который доводился кыргызам племянником. В 1845 году в ходе грызни за власть Шерали был убит, вместо него ханом избирается сын его родственника Алим хана Мурат. Хотя в это время Мусулманкул был в походе, он сохраняет верность семье покойного хана. При поддержке многочисленных кипчаков ханом провозглашает четырнадцатилетнего сына Шерали Худояра. Выдав за него свою дочь, закрепляет за собой право аталыка² молодого правителя

¹ Тысячник – в Кокандском ханстве после хана самое высшее воинское звание, главнокомандующий, первый везир.

² Аталык – опекун, заменяющий отца. В Кокандском ханстве после званий «аталык», «михтар» (главный налоговый) идет должность «кушбеги». Хотя она первоначально подразумевала «человека, ответственного за организацию соколиной охоты хана», позднее стала понятием, обозначающим высокую властную степень. Правители крупных вельятов назначались из числа кушбеги. Затем идут должности: дуанбеги, казначей, парманчи (издатель указов), беклербеги, датха (выразитель справедливости, который доводил до хана просьбы людей, до населения – решения правителя), инах (звание, даваемое крупным предводителям родов). Руководителя вельята называли хакимом, вали; правителя городской, сельской местности – аксакалом, бием, агалыком. Есть также воинские звания: батырбасы (войсковой начальник), пансадбасы (командир пятаста воинов), жузбасы (сотник), тубеги (знаменосец).

и берет в свои руки бразды правления ордой. Исполнял обязанности первого везира, главнокомандующего (мынбасы). На многие важные, ключевые должности назначил кипчаков. По этой причине с времен правления Мусулманкула среди казахов кокандцев принято было называть кипчаками. К тому же регионы проживания казахов входили в вেলাят, называемый Ташкент-Дешти Кипчак, хаким которого в большинстве случаев назначался из кипчаков. Направленное в 1850 году по просьбе Тойчибека в крепость Алмалы кокандское войско для нападения на Капал как раз были сарбазы, сформированными по приказу ташкентского вали Нармухаммеда кушбеги из рода кипчак.

В сведениях по Кокандскому ханству говорится, что основу войска Дешти-Кипчакского веляята составляли сарбазы из казахских родов шанышкылы, курама, канглы. Вот истинное положение дел, которое в русской имперской истории, пропитанной колонизаторским духом, обычно преподносилось в искаженном, ложно заботливом виде, якобы «кокандцы были кровными врагами казахов, а царская Россия освободила казахов от кокандского ига», и этот тезис много лет внедрялся в сознание людей. На самом деле Кокандское ханство – государство народов, родственных с казахами и по происхождению, и по языку, выходцев из степных тюрков, позднее ставших населением Дешти-Кипчака. Хотя эти народы часто конфликтовали между собой из-за земли, покоряли друг друга, иногда прибегали и к насилию, но при появлении общего врага непременно объединялись и выступали против него единой силой.

Получив весть о намерении казахов, усиленных кокандским войском, напасть на Капал, генерал-губернатор Западной Сибири П.Д. Горчаков приказал новому приставу Капала капитану К. Гутковскому срочно выступить и разгромить крепость Тойчибека.

19 апреля 1850 года отряд Гутковского в 225 воинов с двумя пушками подошел к стенам крепости Алмалы. Она была окружена глубоким рвом, имела крепостную стену высотой три, толщиной полтора метра. Отряд при поддержке пушек предпринял две атаки, однако успеха не смог достичь. На второй день Гутковский увидел выступившее из крепости войско примерно из 3-4 тысяч казахских сарбазов и опешил. Положение для него складывалось серьезное, поэтому он во избежание бессмысленного кровопролития принял решение отступить. Сражаясь отступая, с трудом добрался до Капала.

В том бою за Алмалинскую крепость всю оборону организовал сам батыр Тойчибек Касаболатулы. Казахские отряды возглавляли батыры Шаншар и Сураншы, бии Диханбай, Ашекей и Тлеукабыл, торе Рустем и Кудайменде. Чокан знал и то, что Тойчибек бий из рода ботбай-дулат и Рустем Асфендиярулы, которого в народе называли «крутой торе», три-четыре года назад участвовали в восстании Кенесары. Оба – ярые противники какой-либо зависимости от кого-либо. В борьбе за это готовы на все. Вместе с тем это весьма противоречивые личности, что, впрочем, касается всего общества того времени. Так, Тойчибек, с одной стороны, поддержал Кенесары, с другой стороны, наряду с другими султанами и биями Старшего жуза принял российское подданство, но поднял оружие против русских. Рустем был против кокандского ига, но когда пришли русские войска, принял сторону родственных, единоверных кокандцев. Тем не менее, впоследствии не стал сопротивляться, когда русские чиновники предложили должность, жалованье...

О бесславном окончании похода Гутковского Чокан также читал в документах Омского архива. В них также говорилось о том, что генерал-губернатор Западной Сибири Горчаков тем летом совершил инспекторскую поездку в Семипалатинск и Капал, в ходе которой лично снял с должности старшего султана Старшего жуза Камбара Аланова и назначил вместо него восьмидесятилетнего Сюка Абылайханова. Поговаривали, что до ушей Горчакова довели о том, что о походе Гутковского кокандцев заранее предупредил якобы этот Камбар. Губернатор собрал в Капале всех султанов и биев и настойчиво разъяснял требования, выдвигаемые в связи с обстановкой в Старшем жузе. Строго предупредил, что не будет никакой пощады тем, кто осмелится выступать против интересов России.

Сообщая императору о результатах поездки губернатора в Семиречье, директор Азиатского департамента МИД Л.Г. Сенявин высказал предложение об организации весной 1851 г. новой экспедиции за реку Или для уничтожения укрепления Тойчибек. По его мнению, ввиду предстоящих в Кульдже переговоров о легализации торговли, удачный исход экспедиции мог бы «значительно подействовать и на успех сих переговоров». Согласно этим правилам начальник или старшина отправлявшихся из пределов России в Китай караванов, должен был получить специальный билет на одной из таможен или застав в Семипалатинске, Петропавловске, Троицке, Усть-Каменогорске, Капале. С купцов, приезжающих без таких билетов, местные китайские власти имели право взимать различные сборы. Весть о легализации российско-китайской торговли в Синьцзяне и об открытии для российского купечества рынков Чугучака и Кульджи, быстро распространилось не только в Казахстане и Сибири, но и в Китае и вызвало положительную реакцию китайского купечества.

По условиям Кульджинского договора, который был подписан после долгих переговоров 25 июля 1852 года благодаря усилиям дипломата, писателя, известного путешественника полковника Е.П. Ковалевского, буквально за два года до этого побывавшего с духовной миссией в Пекине, в Кульдже и Чугучаке должны быть учреждены российские консульства. Консулами были назначены владеющие маньчжурским и китайским языками И.И. Захаров и А.А. Татаринов.

В документах, с которыми ознакомился Чокан, говорилось и о том, что накануне принятия Кульджинского договора, согласно указания с Петербурга, сильно вооруженный отряд под командованием подполковника Ивана Карбышева был направлен в крепость Тойчибек. В составе отряда, который вышел из Капала 18 мая и 7 июня форсировал Или, было 880 солдат пехоты, 663 казаков, 16 пушек со 170-ю артиллеристами. Тойчибек батыр, узнав через своих разведчиков о приближении отряда, понял невозможность противостояния такой мощной силе, поэтому еще до прихода врага вместе со всем населением откочевал в сторону Чу. Карбышев от опустевшей крепости камня на камне не оставил и 30 июня вернулся в Капал.

Тойчибек батыр и после этого не прекращал свои действия против русских войск, о чем свидетельствуют события после форсирования отрядом Перемышльского Или в 1853 году, чтобы начать строительство крепости Алматы. Судя по воспоминаниям Потанина, бывшего в составе этого отряда, на сей раз казахи приход русских восприняли неоднозначно. На совещании на берегу реки Каскелен по обсуждению данного вопроса Тойчибек батыр настаивал на том, чтобы отбросить русское войско за Или, как это он сделал с отрядом Гутковско-

го. Однако против него выступил его родственник, прославленный бий из рода ботбай Диханбай, который сказал, что трудно воевать против русских пушек и огнестрельного оружия, зря прольется кровь, поэтому надо найти путь мирного решения конфликта. В конце концов люди прислушались к доводам весьма авторитетного, прекрасного оратора Диханбая. Тойчибек так и остался при своем мнении и вместе со своими сторонниками ушел в сторону Чу, а остальной народ, выражая свое дружелюбие, с всевозможными угощениями на верблюдах направился к месту стоянки отряда. Русский лагерь загудел от восторженных людей, многие начали брататься между собой...

Тойчибек не успокоился и после этого. В 1854 году, когда строилась Алматинская крепость, он возобновил свои протестные действия. Чокану довелось прочитать в одном из донесений, поступающих в штаб Отдельного Сибирского корпуса о том, что сын Тойчибека Байсеит батыр угнал около 80 лошадей, принадлежащих отряду Перемышльского. Организовать погоню не получилось из-за нехватки лошадей. Но отряду на помощь пришел Тезек Нуралин, который с 1850 года исполнял обязанности старшего султана рода албан. За короткий срок он доставил до двухсот лошадей, около двадцати волов для ведения строительных работ. После этого пристав задумал первым делом покончить с Тойчибеком. Наводя справки, уточнил место нахождения аула батыра и, взяв с собой 160 казаков с двумя минометами, двигаясь только по ночам, на четвертый день добрался до указанного места и сразу же начал обстрел аула из минометов, затем казаки пошли в атаку. Но казахи быстро опомнились и, заняв оборону, отбили атаку. В бою со стороны казахов погибло и было ранено около 40 человек, со стороны казаков – погибло всего два человека, ранено три, попало в плен два человека. Карательный отряд угнал 753 лошади, 118 верблюдов, 66 коров. Возвратившись в крепость, Перемышльский отлагодарил Тезек султана и вернул его лошадей и волов.

В документах говорится, что в том сражении Байсеит Тойчибекулы один бросился на 13 казаков, из которых 11 ранил, а двоих убил. После этих событий Тойчибек все равно не прекращал вооруженное сопротивление. Ташкентский кушбеги попросил помощи у кипчака Нурмухаммеда, который дал ему 500 сарбазов, добавил к ним своих 2 тысячи джигитов и напал на Алматинскую крепость. Но крепостные пушки нанесли им серьезный урон, они были вынуждены отступить, потеряв около ста человек.

Тойчибек осенью 1854 года отправил сына Жанкожу Ташкентскому вали Малибеку (старший брат Худояр хана) просить военную помощь. Получив от кокандского бека 500 сарбазов и объединившись с кыргызскими воинами во главе с манапами Жантаем и Жанкарашем, он вновь стал угрожать Алматинской крепости. Однако туда раньше него успел добраться со стороны Капала сильный отряд есаула Рыбина, который встретил ураганным огнем из пушек и нанес сокрушительный урон.

Из письма Гасфорта военному министру князю В.А. Долгорукому следует, что после этого Тойчибек бий сам встретился с кокандским ханом Худояром и предложил совместно бороться против общего врага, заявив, что «у русских худое намерение, теперь они готовятся напасть на Бишкекскую крепость, надо остановить их, казахи Старшего жуза ждут прихода кокандского войска, чтобы выступить против русских».

В это время у Кокандского ханства голова болела в поисках путей противостояния захвату Россией подвластных ему регионов. Поэтому, учитывая доводы Тойчибека, оно стало готовиться к большому походу. В январе 1855 года пристав казахов Старшего жуза Перемышльский получил сообщение о том, что кокандцы опять готовятся разгромить Алматинскую крепость, выгнать русских с левобережья Или. Сообщение сразу передали в Омск.

После возвращения Гасфорта и казахских султанов и биев из Петербурга поступило еще одно неприятное известие. В мае до Бишкека добралось семитысячное войско под командованием родственника Худояр хана с годичным запасом провизии на тысяче верблюдов. Затем оно должно направиться в Верный. Сам хан выступил с обращением к султанам и биям Старшего жуза переключиться на подвластные Коканду территории, объединиться под зеленым знаменем ислама и подняться на войну-газават против русских. После этого в Алматы из Капала срочно были отправлены две сотни с двумя пушками под руководством бригадного командира, полковника М.М. Хоментовского.

* * *

Именно с этими событиями было связано желание генерал-губернатора начать свою поездку сразу с Жетысу. Таким образом он хотел сделать кокандцам угрожающий жест.

Весть о том, что сам генерал с огромным войском идет в Алматы, до кокандцев дошла, когда они, выйдя из Бишкека, переправились через Чу. Однако вторая весть, догнавшая их, оказалась еще более неприятной и ввела их почти в шоковое состояние: «Худояр хан пришел с войском и захватил Ташкент, которым правил его родной старший брат Малибек».

До этого Малибек, ссылаясь на свое старшинство, не раз с обидой намекал на то, что править Кокандским ханством должен был он, и не совсем хотел признавать власть младшего брата. Это чувство в конце концов обострилось настолько, что он летом того года запретил отправить в ханскую казну налоги, собранные со всего подвластного ему Ташкент-Дешти Кипчака. Это взбесило Худояра и он сразу выступил в поход на Ташкент. Вышедшее навстречу войско Малибека разбил наголову и на его место назначил бывшего батырбасы Ташкента, сына таджика Даурена датхи Сопыбека. Малибек кое-как спасся бегством и нашел защиту у вечного соперника Коканда – у бухарского эмира. Теперь могла вспыхнуть война между двумя ханствами...

Кокандское войско, идущее на Алматы, получив сие неприятное известие из Ташкента, прервало поход и развернулось обратно. Гасфорт, обрадовавшись тому, что вражеская угроза рассеялась сама собой, отправил кокандским военачальникам жесткое письмо, где предупредил их: «Если не прекратите грабежи казахов, находящихся в российском подданстве, то вас постигнет справедливая кара его императорского величества». В Алматы провел совещание с султанами и предводителями родов Старшего жуза, на котором грозно высказался в том плане, что не будет пощады тем, кто будет противостоять победоносному походу России, который преследует цель освободить туземцев, находящихся под игом Кокандского ханства. Ультимативно сказал старшим султанам, чтобы они строже управляли своими родами, чтобы те не вздумали перейти на сторону кокандцев и выступать с оружием в руках против русской армии, иначе они лишатся своей должности.

Во время таких мероприятий Гасфорта со знатными людьми Старшего жуза Чокан встречался с глазу на глаз с многими своими родственниками, которых раньше знал лишь заочно. Особенно вплотную занимались здесь управленческими делами потомки Адиль султана. Так, его сыновья Али, Ералы управляли родом дулат, внук Тезек от сына Нуралы был старшим султаном албанов. Вместе с ним участвуют в управлении родом албан Хаким и Мамытбек – внуки Адила от второго сына Кулана. Третий сын его Мамырхан – султан рода шапырашты. Сын Сюка, умершего в этом году в 85-летнем возрасте, Жангожа перенял должность отца – является предводителем рода жалаир. Султан рода суан по-прежнему Адамсарт Ибаков.

В той поездке Чокан, возможно, увидел и Суранши бия, который вместе с Тойчибеком поддержал Кенесары, когда тот пришел на земли Старшего жуза, а также Сыпатай батыра и Рустем торе Асфендиярулы, которые в первое время были на стороне вождя национально-освободительной борьбы, но когда над ним сгустились тучи, накануне последней битвы сбежали с поля боя. Молодой адъютант знал, что за помощь, оказанную в разгроме Кенесары, эти двое были награждены русской администрацией. Однако Рустем торе в 1850 году вновь стал ненадежным человеком для царского режима, когда принялся собирать войско для борьбы с отрядом Гутковского, вознамерившегося захватить Алмалинскую крепость. Поэтому в 1853 году при подборе кандидатур на должность старшего султана Старшего жуза его сразу же отвергли. В списке султанов и биев родов Старшего жуза, который Чокан начал составлять в ходе той поездки, Рустем и его сын Абылай зафиксированы только как руководители подрода кчук рода жалаир.

Но зато старший султан Тезек, оправдывавший доверие пристава Старшего жуза, был на высоте славы. Он принял подданство России в 1847 году, а до этого получал от китайских властей звание тайджи 3-ей степени, с 1850 года являясь надежным старшим султаном русской администрации. Тезек был лет на 15 старше Чокана. Высокий, светлицый, он умел держать себя как истинный ханский отпрыск. Умный, находит общий язык с влиятельными людьми. Отличается и личным мужеством, храбростью, большим талантом, умеет прощать. В айтысе с известным акыном шапырашты Суюнбаем тот подвергал его порой жесточайшей критике, но султан на него абсолютно зла не держал. Наоборот, в народе говорили, что он всегда держал рядом Суюнбай акына, брал на все торжества, проводимые среди казахов и кыргызов, способствовал, чтобы тот участвовал в айтысах, оказывал почести, всячески поддерживал.

Потомки великого Абылая, родственники уже в третьем поколении, с первой же встречи с симпатией относились друг к другу. Хотя Тезек поначалу с сомнением относился к Чокану, получившему русское образование и, по его мнению, мало разбирающемуся в национальном менталитете, затем резко изменил свой взгляд, увидев, как тот прекрасно владеет и казахским языком, и молниеносно переводит и доводит слова султанов и биев до губернатора. Да и в ходе беседы с ним с глазу на глаз он проникся к нему большим уважением. Чокан интересовался у него соображениями по поводу управления Старшим жузом. Часто задавал вопросы о народном фольклоре, обычаях и традициях. Услышанное тут же заносил на бумагу арабской вязью.

Конечно же, Чокан тогда не мог знать о том, что последние годы своей насыщенной жизни проведет в ауле этого старшего султана, впоследствии ставшего полковником царской армии, что поженится там и, борясь с тяжелым недугом, отойдет в иной мир...

В той летней поездке с Гасфортом Чокан получил возможность впервые познакомиться с Жетысу и восточной частью Сарыарки. И это путешествие оказалось плодотворным. По следам всего увиденного и услышанного он написал свои первые исследовательские труды «Географический очерк Заилийского края», «Предания и легенды большой казахской орды». Уже по этим работам, глубоко и содержательно передающим картину Жетысуйского края, можно проследить широкий кругозор, блестящие знания, аналитический ум, острое перо автора.

Молодой исследователь, расспрашивая пожилых коренных жителей, убедился в том, что местные казахи, проживающие у подножия Алатау, издавна занимаются земледелием, хорошо освоили возделывание пшеницы и проса. Пахотные места их лежат в десяти верстах от гор, где берега речек не так круты, что позволяет им удобно выводить воду арыками из быстрых речек по своим пашням, и грунт земли более плодороден. Кроме этих пахотных мест, казахи сеют просо и пшеницу в нижних частях почти всех речек, где, несмотря на глинисто-песчаный грунт, урожаи бывают все-таки хорошие, лучше, чем на Капале. Колос проса достигает высоты трех футов.

Сметливая рука казаха очень хорошо проведет арык из речки, текущей в чрезвычайно глубоком рву, и трудно поверить, когда даже убедишься, что на одной версте вода своим непринужденным и свободным течением выведена кверху саженой на тридцать. Вывести ее из рва, какой бы он глубины ни был, для казаха ничего не значит. Мягкость грунта и в самом деле не требует здесь такой сохи, какая употребляется в Сибири. Довольно куска железа очень малого размера, чтобы вспахать землю на такую глубину, от которой можно рассчитывать на урожай. Кроме проса и пшеницы в Старшем жузе выращивают кукурузу, ячмень, горох, лен, кунжут, люцерну. На реках Алматы, Талгар имеются водяные мельницы. Молотьба хлеба производится волами, лошадьми, даже верблюдами, которые гоняются целый день по хлебу, уложенному на земляном гумне. Вытоптанный хлеб при легком ветре провеивается обыкновенным образом. Просо жарят в чугунном котле, толкут в ступке и потом складывают в крепкие шерстяные мешки. Остальной лишней запас сырого проса засыпается в ямы, где хранится до первой надобности ЗИМОЙ.

Яблоки здешние в диком состоянии мало уступают садовым кульджинским как на вкус, так и величиной своей; урюка вообще повсюду много. Яблоки созревают в августе, урюк – в середине июля. Выращиваются и садовые культуры, огурцы, морковь, арбузы. Широко известна кувшинообразная тыква. Дехкане все лето трудятся в поте лица, не покладая рук, и лишь осенью, в сентябре начинают пожинать плоды этого нелегкого труда, когда весь урожай перевезут в аул, пишет Чокан.

Шесть месяцев лета казахи проводят в прохладных горных ущельях-джайляу, а после октября начинают спускаться на зимовья на берегу Или. Их табуны лошадей в зимнее время тебенюют в тихих местах между барханами и саксауловыми зарослями в нижнем течении Или. С наступлением весны вновь начинаются трудовые будни, дехкане приступают к обработке своих участков на берегах

Тургеня, Талгара, Исыка, Каскелена, шумные кочевья аулов вместе с отарами овец, табунами лошадей двигаются в сторону горных джайляу.

В дни пребывания в Жетысу Чокан беседовал с аксакалами, собирал сведения о родах Старшего жуза. В долине Или проживают роды дулат, албан, суан, шапырашты. Западнее Или до Чуйской равнины дулаты и шапырашты живут вперемешку. Жалаиры обитают между Караталом и Или. По сравнению с другими родами Старшего жуза дулаты являются самыми мощными и по численности, и по воинственности и богатству. Не говоря об остальных малых родах, их численность превышает албанцев в пять, жалаириров в три раза...

После отъезда Гасфорта, к концу лета число жителей Алматы значительно увеличилось. В крепость было переселено сто казачьих семей из Омского, Тарского, Шульбинского, Есильского округов Западной Сибири. Их разместили юго-западнее крепости (ниже нынешнего зеленого базара), новое поселение стали называть Алматинской станицей. В центре была оставлена большая площадь, на которой началось строительство церкви. Позднее станица влилась в крепость и составила укрепление Верный.

Царское правительство оказывало всяческую поддержку переселенцам в новые колониальные регионы. Каждой семье для приобретения скота выделялось 55 рублей, кроме того выдавались одежда, конская упряжь, телега, оконное стекло, гвозди, инструменты для возведения домов, а также годовой запас продовольственной пшеницы и семена.

«КОГДА-НИБУДЬ НАПИШУ О СЕМИПАЛАТИНСКЕ ПОДРОБНЕЕ»

В русских документах того времени нашел свое отражение и переполох среди руководителей новой области, вызванный вестью о плане Гасфорта посетить Семипалатинск после Капала и Алматы. Чтобы не впасть в немилость генералу, который считал себя чуть ли не полуцарем, здесь срочно стали приводить в надлежащий порядок места, которые он может посетить, непрерывно муштровались воинские подразделения.

Эти напряженные дни подготовки на себе испытывал и рядовой боец 7-го батальона, дислоцированного в городе, Федор Михайлович Достоевский.

Писатель-петрашевец был сослан в Семипалатинск солдатом в начале марта 1854 года. Хотя это считалось легче тюремного режима, в условиях которого он содержался четыре года, но он в первое время особо не ощутил разницу между ними и солдатской казармой. Тот же жесткий дощатый топчан, тот же отвратительный запах, та же угнетающая обстановка. Ни минуты покоя. Весь день проходил в нескончаемой и однообразной армейской суете. Но с самого начала писатель старался максимально использовать недолгие минуты отдыха. В такие моменты он любил уединяться, молча наблюдать за действиями солдат или смотреть на темные воды медленно текущего Иртыша и на бескрайнюю степь, которая начиналась сразу с противоположного берега. Как ни говори, свежий степной воздух постепенно делал свое дело, с началом солдатской жизни он чувствовал в себе медленное, но верное возвращение былой силы. Настроение поднималось, резвее стала походка.

Только через месяц после прибытия в солдатскую среду он нашел возможность написать письмо проживающему в Петербурге старшему брату Михаилу Михайловичу Достоевскому, который вместе с ним начинал писательское дело, занимался критикой, переводом, был арестован вместе с младшим братом за участие в кружке петрашевцев, затем оправдан, после этого он порвал с творческим занятием и обосновал небольшую табачную фабрику. Месяц назад, когда жил в Омске у Ивановых, он сообщил Михаилу, что освобожден из тюрьмы, и то длинное письмо после четырехлетнего вынужденного молчания было полно тоски по родным и вольной жизни. Сейчас, попросив у ротного писаря бумагу и перо, он отошел в сторону, чтобы довести до брата последние новости.

Начал с того, что высланные им письмо и деньги получил, затем перешел к своим делам, что за последнее время ему стало значительно лучше, здоровье в порядке. Затем стал описывать местность, куда он попал. *«Здесь уже начало казахской степи. Город довольно большой и людной. Азиатов множество. Степь открытая. Лето длинное и горячее, зима короче, чем в Тобольске и в Омске, но суровая. Растительности решительно никакой, ни дерева – чистая степь. В нескольких верстах от города бор, на многие десятки, а может быть, и сотни верст. Здесь всё ель, сосна да ветла, других деревьев нету. Дичи тьма... Когда-нибудь я напишу тебе о Семипалатинске подробнее. Это стоит того»*, – сделал он акцент.

А теперь попрошу у тебя книг. Пришли мне, брат, европейских историков, экономистов, святых отцов, по возможности всех древних – Геродота, Фукидита, Тацита, Плиния, Флавия, Плутарха и Диодора и т. д. Они все переведены на французский язык. Наконец, Коран и немецкий лексикон. Пришли мне также физику Писарева. Не всё вдруг, помаленьку. Я и за малое поклонюсь тебе. Пойми, как нужна мне эта духовная пища, – добавляет писатель.

Благодаря своим частым заявлениям, подаваемым Семипалатинским руководителям через омских друзей, особенно чиновников, лично знакомых К. Иванову (в это дело свою лепту внес и адъютант Гасфорта Ч. Валиханов), с осени 1854 года в солдатской жизни писателя произошли некоторые облегчения. Командир батальона подполковник Белихов разрешил ему оставить казарму и жить на квартире. Это позволило Достоевскому после четырехлетнего тюремного заточения заниматься самым любимым делом – читать и писать. Несмотря на то, что солдатская повседневность отнимала очень много времени, любой свободный момент, любую возможность он использовал для чтения книг, журналов, издающихся в Петербурге.

В то время Семипалатинск представлял собой полугород-полудеревню. Все постройки были деревянные, бревенчатые, очень немногие обшиты досками. Жителей было пять-шесть тысяч человек вместе с гарнизоном, местным населением и кокандскими, бухарскими, ташкентскими и казанскими купцами. Полуоседлые казахи жили на левом берегу, большей частью в юртах, хотя у некоторых богачей были и домишки, но только для зимовки. Их насчитывали там до трех тысяч. Духовная жизнь города была бедной. Во всем городе было лишь одно фортепиано. Газеты получали человек десять-пятнадцать, да и не мудрено, – люди в то время в Сибири интересовались в основном картами, попойками, сплетнями и своими торговыми делами. Семипалатинск делится на три части, разделенные песчаными

пустырями. На север лежала казацкая слободка, самая уютная, красивая, чистая и благообразная часть города. Там были сквер, сады, довольно приглядные здания полкового командира, штаба полка, военного училища и больницы. Среди двух слобод, сливаясь с ними в одно, лежал собственно русский город. Здесь жило все военное: помещался линейный батальон, конная казацья артиллерия, все начальство, главная гауптвахта и тюрьма. Ни деревца, ни кустика, один сыпучий песок, поросший колючками, говорится в воспоминаниях тех лет.

Однако и в Семипалатинске нашлись люди, которые явились светлыми личностями, имевшими отношение к жизни писателя, прошедшей в казахских степях.

После выхода Достоевского на квартиру, в ноябре 1854 года в город из Петербурга прибыл для исполнения обязанности областного прокурора барон Александр Егорович Врангель, которому было всего 21 год. Он знал, что писатель находится в Семипалатинске, поэтому перед отъездом сюда специально встретился с его братом Михаилом Михайловичем и взял с собой все, что тот просил передать брату. Молодой прокурор и раньше заочно хорошо знал Достоевского. Сам он имел дальние родственные связи с Пушкиным (его мать Дарья Александровна была внучкой Софьи Абрамовны – младшей дочери араба Петра Великого, генерал-аншефа А.П. Ганнибала), и вообще, их семья была близка к литературе, а сам Врангель еще в шестнадцать лет читал роман «Бедные люди», признанный в русской литературе серьезным явлением, и был большим поклонником таланта писателя. Позднее ему приходилось быть одним из свидетелей позорной казни петрашевцев на Семеновском плацу.

По прибытию в Семипалатинск Врангель вызвал к себе Достоевского. Впоследствии в своих воспоминаниях от 1908 года он писал об этой встрече так: *«Достоевский не знал, кто и почему его зовут, и, войдя ко мне, был крайне сдержан. Он был в солдатской серой шинели, с красным стоячим воротником и красными же погонами, угрюм, с болезненно-бледным лицом, покрытым веснушками. Светло-русые волосы были коротко острижены, ростом он был выше среднего. Пристально оглядывая меня своими умными, серо-синими глазами, казалось, он старался заглянуть мне в душу, что, мол, я за человек».*

После этой встречи в жизни ссыльного Достоевского начинается новая пора. Теплые взаимоотношения с прокурором области позволили рядовому солдату иметь доступ к высшему свету Семипалатинска. Он приглашается в гости к командиру батальона Белихову, судье Пешехонову, даже областному военному губернатору Спиридонову. Адьютант губернатора Демчинский тоже относился с симпатией к писателю, в каждом удобном случае приглашал его к себе домой. Врангель знакомил его со своими друзьями-офицерами, организовывал выезды на лошадях в близлежащие казахские аулы. Именно благодаря Врангелю писателю удалось ближе познакомиться с жизнью казахского народа, о котором он слышал еще в Омске в беседах с Чоканом. В этой связи соответствующую роль сыграло и то, что областной прокурор снимал квартиру в доме купца по фамилии Степанов, мать которого была казашкой. В этой семье чисто разговаривали на казахском языке, к ним часто приезжали гости из далеких казахских аулов. (Кстати, о казахском языке. В 1848 году в Семипалатинск приезжал ссыльный польский революционер Адольф Янушкевич, который писал: *«Здесь казахский язык используется повсеместно. Даже половина роскошных россиян свободно*

изъясняются на этом языке /как наши женщины на французском/». Бывая у Врангеля, Достоевский постепенно еще ближе знакомится с обычаями и традициями казахского народа. Врангель берет его с собой в гости к таким богатым купцам Семипалатинска, как Бокаш Аупбаев, Рахимбай Атамбаев, Тыныбай Каукунов. Однажды он даже присутствовал на свадьбе и своими глазами увидел обычаи местного народа в этом плане.

Врангель об этом в своих воспоминаниях пишет: *«Катаясь верхом, я уговорил наконец и Достоевского сесть на одну из моих лошадей, и мы с ним делали верхом длинные прогулки в окрестные зимовья и в степь с разбросанными по ней юртами казахов. А как чудно хороша была степь! В эту пору вся она была в цвету, благоухала, яркая зелень, испещренная цветами, как дивный ковер разстилалась на необозримое пространство. Что за прелесть степь раннюю весною, пока жгучие лучи солнца не коснулись ее, не засушили ее!*

...Богатый ташкенец Рахим-бей пригласил нас однажды на праздник, он выдавал замуж дочь. Свадьба происходила на дворе, вскоре тысячи людей заполнили берег Иртыша. Все татарские и казахские женщины отличались красотой, были сильно набелены и накурманы, ногти выкрашены и на лице черный мушк.

...Поскольку сам я был заядлым охотником, не мог спокойно смотреть, как беркут брал волка. Федор Михайлович обычно сдержанно воспринимал подобные картины, поэтому довольно равнодушно отнесся к происходящему.

...Наши приятели, богачи Менды-Бай и Тени-Бай рады были принять нас. Нам поили свежим кумысом, угощали бараньим, твердым как камень, сыром, пловом с бараниной и колбасой из копченого мяса молоденького жеребенка...»

Говоря о людях, с которыми общался Достоевский, можно убедиться в том, что они касаются нашей истории и другими интересными гранями. Так, Бокаш Аупбаев, во-первых, снарядил в Семипалатинске торговый караван, с которым в 1858 году Чокан под именем Алимбай тайно отправился в Кашгарское путешествие, за эту заслугу купцу потом царским правительством было присвоено звание хорунжего и он был награжден золотой медалью на владимирской ленте, во-вторых, он был одним из близких людей, в 1849-1852 годах исполнявшего обязанности старшего султана Каркаралинского округа Кунанбая Ускенбаева.

И Тыныбай, принимавший в гости ссыльного писателя, тоже доводился родственником, сватом Кунанбаю. Купец 2-ой гильдии Тыныбай Каукунов из рода уак был известным богатым купцом, который впервые построил в той части Семипалатинска – в Новом Семее, где проживали казахи, высокий деревянный дом, на свои деньги возвел мечеть и медресе. Поэтому та часть города называется Тыныбаевской слободкой. Мендыбай, о котором Врангель упоминает в своих воспоминаниях, – второй сын Тыныбая. Он тоже, как отец, был крупным купцом. Тыныбай женил своего сына Мендыбая на дочери Кунанбая Макиш. Сваты до самой смерти питали друг к другу глубокое уважение, поддерживали очень близкие отношения. Когда в Семипалатинск приезжал не только сам Кунанбай, но и любой из его многочисленной родни, все они непременно останавливались под гостеприимным шаныраком Тыныбая. Будучи учеником медресе, а также, когда сестра Макиш стала снохой этого хлебосольного очага, Абай тоже очень часто бывал здесь.

В этой связи следует обратить внимание на то, что годы пребывания Достоевского в Семипалатинске как раз совпадают с тремя годами учебы Абая здесь.

в медресе Ахмета Ризы. То есть, если учесть, что медресе и квартира Достоевского находились совсем недалеко друг от друга, то можно предположить, что мальчик Абай, хоть и не знал ссыльного писателя, но вполне мог видеть на улице человека в солдатской шинели. Возможно, он даже очень удивился, когда увидел этого человека с высоким лбом, умным взглядом рядом с красивым казахским джигитом в офицерской форме, сыном Чингиса торе Чоканом, о котором часто рассказывал отец Кунанбай...

* * *

Как известно, Чокан неоднократно приезжал в Семипалатинск, когда там жил Достоевский. Первый приезд был совершен, как сказано выше, летом 1855 года вместе с генерал-губернатором Г.Х. Гасфортом.

Эта поездка для молодого корнета, уже более полугода исполнявшего обязанности адъютанта правителя Западно-Сибирской губернии, бесспорно, была очень полезной. Он досконально ознакомился с подробностями жизни юго-восточной окраины казахской степи и Жетысу, которые раньше не видел. Обычно в ходе инспекторской поездки в адрес местных начальников высказывается множество жалоб и заявлений. Непосредственным переводом и доведением их до Гасфорта занимается лично Чокан сам. В тот раз ему пришлось окунуться в целое море запутанных конфликтов народной жизни. В основном они сводятся к разногласиям между родами, к спорам частного характера о захвате имущества, о чинимых насилиях и т. п.

В Семипалатинске Гасфорта со свитой встретили, как и везде, с большой помпой. С раннего утра сановники перебрались на левый берег Иртыша, чтобы выйти навстречу ему, который уже побывал в Алматы, Капале и Аягузе. Военный губернатор Семипалатинской области Спиридонов взял с собой начальника округа и пристава, таких знатных людей, как Рахимбай, Бокаш, и на карете поехали вперед, чтобы первыми встретить генерала.

Оставшиеся на берегу реки долго ждали под палящими лучами июльского солнца. Наконец издали показались клубы пыли. Через некоторое время стали вырисовываться контуры карет и скачущих всадников. Они, не сбавляя темпа, остановились только у самого берега. Особенно резвым было движение тарантаса с самим Гасфортом и его молодой женой, в который было запряжено восемь лошадей, что, казалось, экипаж на всей скорости может рухнуть с высокого обрывистого берега в реку, если бы его не остановили выбежавшие навстречу люди. Генерал-губернатор вышел из тарантаса, кивнул головой в сторону встречающих чиновников и направился к парому. Вскоре множество плотов и лодок, до предела набитых людьми, двинулись в направлении города.

Генерал-губернатор в тот же день провел совещание с руководителями области. Затем встретился с казахскими правителями и знатными людьми. Воспользовались этой возможностью и семипалатинские купцы. Во главе с аксакалом ташкентского происхождения Бокашом Аупбаевом они побывали на приеме у Гасфорта и довели до него свои просьбы и пожелания. Чокан переводил их слова и при этом остался доволен их осведомленностью обо всем происходящем, эрудицией, жизненным опытом и умением вести себя, находить нужные в такой ситуации слова. Конечно, молодой корнет еще не ведал, что буквально через два-три года ему придется отправиться на выполнение кашгарского секретного задания, при-

чем с помощью именно этих купцов и, присоединившись к их каравану. Но когда зашел разговор о предстоящем путешествии и встал вопрос, с каким караваном лучше следовать в ту сторону, перед его глазами сразу же всплыли именно та встреча в Семипалатинске, спокойный, рассудительный образ Бокаша...

Адьютантам легко быстро познакомиться, находить общий язык друг с другом. Так случилось и с адьютантом военного губернатора Семипалатинской области Спиридонова Василием Петровичем Демчинским и адьюантом генерал-губернатора Гасфорта Чоканом Валихановым. Чокан сразу же заинтересовался у коллеги о волновавшем его вопросе:

– Как мне увидеть писателя Достоевского, который сейчас служит здесь солдатом?

– Федора Михайловича? Никаких проблем, пригласим домой и познакомимся.

– Как? А будет удобно?

– Ничего. Мы с ним стали друзьями.

В доме Демчинских Чокан познакомился и с областным прокурором Врангелем, который заботился о писателе. В чисто офицерской среде бывший арестант, нынешний солдат Достоевский нисколько не чувствовал себя чужим. Все общались друг с другом как давние знакомые, близкие приятели. Чокан передал писателю привет его омских друзей; сказал, что семья Ивановых в конце прошлого года переехали в Петербург; узнал об изменениях, произошедших в жизни писателя в последнее время.

Это было продолжением знакомства Чокана и Достоевского, начавшегося полтора года назад в Омске в доме Ивановых, началом большой дружбы двух великих людей.

Хотя они раньше жили в одном городе, им не приходилось общаться каждый день. Только после нескольких встреч в Омске, спустя полтора года судьба их вновь свела в Семипалатинске. Да и встреч-то было всего три-четыре. Но и этого оказалось достаточно, чтобы началась большая дружба двух неординарных личностей, проникших друг к другу с истинной симпатией, глубоко осознавших особую внутреннюю, духовную тягу друг к другу.

В этот раз и Врангелю сильно понравился Чокан, ранее неизвестный ему, но обладающий натурой, каким-то волшебным образом быстро располагающей окружающих к себе. Он позже написал в своих воспоминаниях о Достоевском, о встрече с Чоканом в 1855 году: *«...Из немногих посещавших нас последнее время лиц помню, между прочим, заехал проездом, чтобы повидать Достоевского, молодой, премилый офицер-казах, воспитанник Омского кадетского корпуса, внук последнего хана Средней орды Мухаммед-Ханафия Валиханов (имя Валиханова упоминается в последних письмах Достоевского ко мне)».*

Приезд Г.Х. Гасфорта в Семипалатинск оказал свое влияние и на судьбу Достоевского. Ссылный писатель в надежде снискать милосердие написал стихотворение, посвященное дню рождения Александры Федоровны, вдовы императора Николая I, матери нового царя Александра II, «На первое июля 1855 года», и получил возможность через Врангеля передать его генерал-губернатору. По прибытию в Омск Гасфорт поручил Чокану подготовить донесение в Петербург военному министру и приложить стихотворение Достоевского, по поводу которого просил: *«При нынешней поездке моей на левый фланг линии и Казахской*

степи, в бытность мою в г. Семипалатинске, рядовой Сибирского линейного № 7 батальона Федор Достоевский представил мне стихотворение «На 1 июля 1855 года», которое он просил повергнуть к стопам ее императорского величества. Препровождая при сем к вашему сиятельству упомянутое его стихотворение, имею честь покорнейше просить исходатайствовать всемилоостивейшее соизволение на производство его в унтер-офицеры».

Его надежда оправдалась. В начале следующего года со стороны царского двора, который начал проявлять лояльность к политическим заключенным, поступило разрешение присвоить выпускнику Петербургского военно-инженерного училища, сейчас в связи с обвинением отбывающему наказание в качестве рядового солдата 7-го батальона Сибирского рубежа, бывшему инженеру-поручику Федору Достоевскому звание унтер-офицера.

КАЗАХИ БЫЛИ РЫЦАРЯМИ СТЕПЕЙ

Возвратившись из поездки, Чокан начал переносить на бумагу сведения относительно летописных легенд и сказаний родов Старшего жуза, записанные им во время пребывания в Жетысу. Молодой исследователь обратил внимание на то, что казахи данного региона, продолжая веяние о древнем усунском народе, упоминаемом в китайских источниках, называют себя уйсунами. Даже выводят этот народ к Тобей бию из древнейшей эпохи. В шежире говорится о том, что от Тобей родился Уйсунь, от него – четыре сына: Койылдыр, Мекреил, Майкы и Когам. Фольклор гласит, что от Койылдыра идет Катаган, от Мекреила – Жалаир, от Майкы – Абак, от Когама – Канлы. А от Абака произошли роды сарыуйсунь, шапырашты, ысты, ошакты, албан, дулат и суан.

Нетрудно проследить за тем, как переведя на бумагу летопись родов Старшего жуза, Чокан обращал внимание в целом на вопросы происхождения казахов. Причем он делает это основательно уже в то время. В письме, которое год назад писал профессору Березину, он несколько затрагивал эту проблему, и данные поиски в конце концов привели его к написанию исследования «Казахское родословие».

Удивляет то, что молодой исследователь в ходе создания данного исследования уже тогда делает заключение, что этимология слова «казах» вбирает в себя понятие, существующее у тюркских народов издревле – «вольный, грозный рыцарь степей», а отсюда происходят «стать казахом, казаховать», то есть, вести вольный образ жизни. Придает значение тому, что «в Шейбаниаде очень часто говорится, что мурза такой-то, багадур такой-то были славны в казачестве». Известно, что после распада Золотой Орды на ее территории возникли различные ханства, между которыми не прекращались конфликты и междоусобицы. Тогда предводители крупных родовых объединений, не пожелавшие подчиняться правителям улусов, во главе со своими народами откочевывали в другие регионы и превращались в независимые общества, то есть, в «казахов». Опять же из Шейбани-намэ следует, что это название в то время имело значение довольно почтенное и означало возвышенность духа, здравость – соответствовало европейскому рыцарству. Кочевой степняк, для отличия от своих городских родовичей-соседей, узбеков и ногайцев, гордился именем казаха – свободного

степняка, кочевого человека. Привольные и обширные степи казахские, как Украина для Руси, сделались местом стечения удальцов и батыров, искавших свободу и богатство в добычах. Позднее это наименование закрепилось за русскими казаками, запорожскими и донскими, которые очень скоро составили отдельную и характерную народность, более или менее различную от собственно русского населения.

В смутные времена после распада Золотой Орды из разноплеменных родов составила политическая отдельная община независимо от их происхождения. Так основались и утвердились орды: Ногайская – в Сарайчике, Могул-улус – в Жетысу и Восточном Туркестане и Казахская – в степях долины Сырдарьи и Центрального Казахстана. Всего больше утверждается это предположение замечательным составом родов казахских: между ними вы встречаете кипчаков племени золотоордынского, аргынов – племени джагатайского, уйсунув – соседей уйгуров и джунгаров. Известные роды в составе казахов – кипчак, найман, конрат, жалаир, канлы и т. д. – часто встречаются и среди других народов. В результате развития и расширения территории Казахской Орды они впоследствии были разделены на территориально-административные объединения: Старший жуз, Средний жуз, Младший жуз.

Сравнивая сведения, имеющиеся в трудах Абульгазы, Рашид-ад-дина, Жувейни, Кадыргали бека, Левшина, Карамзина, Григорьева, Соловьева, Небольсина, в Сибирских летописях, автор стремится определить династийное происхождение казахских ханов. Начинает это с родословной правителя Золотой Орды Урус хана, который является родоначальником ханов Казахской Орды. На основе исторических фактов конкретизирует, что сын Урус хана Койырчук, внук от Койырчука Барак занимали трон Золотой Орды, от Барака родился Жаныбек хан. Чокан обращает внимание на то, что Кадыргали бек называет его Младшим Жаныбек ханом. А старшим Жаныбеком был сын хана Золотой Орды Узбека, предками которого были Джучи, Бату.

Предания и легенды старины гласят, что младший Жаныбек вместе со своим внучатым братом Кереем являлись первыми ханами Казахской Орды, а в ту эпоху казахи и ногаи жили и кочевали вместе. То время в казахском эпосе называется золотым веком, многие казахские легенды и дастаны возникли именно в ту пору. К этому времени принадлежит большая часть преданий, нравственные изречения Джиренчи-Чечена (мудрого) и философа Асана Кайгы употребляются степняками до сих пор, пишет Чокан.

Данная эпоха – вторая половина XVI века – совпадает с временем возникновения в долине Жема и Уила орды Алтыул (или Жембойлык) в результате отделения одного из родов ногайцев после распада прежней Ногайской (Мангытской) Орды, с периодом тесного взаимообщения, совместного проживания двух братских народов в результате расширения границы Казахского улуса грозным Хакназар ханом до Едила и Жаика, принятия под свое крыло ногайцев.

Однако конец того золотого века перерос в непримиримое разногласие ногайских правителей. В одном из таких конфликтов между ногайскими мурзами в 1597 году погибает авторитетный бий Ормамбет (сын правителя Ногайской Орды Исмаила), что, по народным преданиям, дало начало мрачному, катастрофическому периоду. Сразу же вслед за кончиной вождя ногайцы подверглись нашествию торгоутов, вытесненных из Тарбагатая.

Казахской Орде в это время было не до ногайцев, она воевала на востоке с ойратами, на юге – с Бухарским ханством. Хотя мощная Казахская Орда отразила нашествие ойратов, победила бухарское войско, зависть, неприязнь, соперничество казахских султанов между собой разделили народ надвое. Внук Касымхана, сын Жалым султана Турсун выступил против родственника Есим хана, занимавшего трон орды и решил создать самостоятельный улус. Провозгласил, что отделяется от Есима, который располагался в Туркестане, а себя – ханом Ташкента. Это противостояние закончилось тем, что в 1628 году Есим хан убил Турсуна.

В эти же годы на западе страны торгоуты напали на ногайцев-казахов. В первой половине XVII века торгоуты во главе с Хо-Урлуком отделились от Ойратского государства и подались на запад, но при этом, опасаясь мощных казахов, обошли реки Иртыш, Есиль, Тобол и ударили по поселениям ногайцев-казахов, расположенных в долине Жема. Потерявшие единство ногайские правители не могли оказать должного сопротивления врагу. В итоге торгоуты к 1628 году полностью обосновались между Жаиком (Яик) и Жемом (Эмба). После появления в 1632 году на берегу Волги Калмыцкой орды ногайцы перешли через реку и подались под власть Крымского ханства, а казахи отошли на юг.

Знаменитый в степях «плач» на раздвоение ногаев и казахов играетсЯ до сих пор степными музыкантами на кобызе и исторгает слезы у старых аксакалов, пишет Чокан. «Когда сто тысяч ногайцев взволновались, когда Ормамбет бий умер и самые черные леса загорелись», – поется в дастанах и поэмах того времени.

* * *

Во время поездки в 1855 году в Семипалатинскую область генерал-губернатор Гасфорт воочию убедился в образованности, деловитости своего молодого помощника, остался очень доволен им. Свое мнение он выразил и в письме Военному министру князю Долгорукому, написанному в конце года. Говоря о необходимости наградить людей, отличившихся в ходе осмотра войск летом, он особо отметил Чокана: *«В числе представляемых заключается между прочим и состоящий при мне корнет султан Валиханов, который хотя и состоит на службе не более 2 лет, но при совершенном знании оной и казахского языка, а также и местных казахских обычаев, он, сопровождая меня в казахскую степь, принес большую пользу. При том он, султан Валиханов, есть потомок последнего владетельного хана Аблая, поступившего в подданство России, и первый из детей казахских султанов Сибирского ведомства получил основательное образование в Сибирском кадетском корпусе и поступил на военную службу... а потому я нахожу необходимым поощрения Валиханова всемилостивейшею наградою, тем более что по происхождению своему он пользуется особым между казахами уважением»*. Согласно этого прошения 25 марта 1856 года Чокану за безупречную службу досрочно было присвоено звание поручика.

За неделю до этого был подписан Парижский договор, по которому Россия признала свое поражение в Крымской войне. По трактату мирного соглашения, совместно принятого представителями России, Франции, Австрии, Англии, Пруссии, Сардинии и Турции, всем странам черноморского региона запрещалось содержать военно-морской флот и провозглашена открытость моря только для торговых судов. Хотя Россия выражала недовольство, что сие решение наносит

угрозу безопасности ее южных границ, не соглашаться с принятым документом она не могла. Кроме того, Россия была лишена права ведать делами южной части Бессарабии, присоединенной к Молдове, дунайских княжеств и Сербии.

Крымская война вскрыла гноящуюся рану внутренних противоречий, которая разъедала Российскую империю. Занявший трон отца Александр II после окончания войны стремился провести кардинальные реформы. Первыми задачами были выдвинуты: уничтожение крепостного права, перестройка судебной и образовательной сфер, армии, помилование политических преступников. Хотя они на самом деле были признаны крупными изменениями, но все же явились лишь шагами по дальнейшему укреплению царской власти, дальнейшему совершенствованию методов и приемов правления.

Потерпев поражение на европейском фронте, Россия наряду с осуществлением новых реформ в качестве стратегического направления решила взяться за возобновление колонизации казахских земель и ханств, лежащих южнее их, поскольку этот вопрос в ходе последней войны как бы выпадал из сферы внимания. Да и то, что среди стран-победительниц Великобритания, к примеру, стала пристально присматриваться к тем же регионам, толкала Россию на форсирование этого дела. С самого начала русское государство считало важной задачей сделать своими Кавказ и Среднюю Азию, и оно никак не хотело выпускать из рук богатые сырьем и другими ресурсами южные регионы. Поэтому внимание Петербурга стало больше уделяться Оренбургским и Омским губернаторствам – главным опорным пунктам в организации военных походов в те края. Приводились в систему планы необходимых мероприятий...

Перевод с казахского Госмана Толегулулы

